

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

АНГЕЛЫ
НА ЛЬДУ

НЕ ВЫЖИВАЮТ

Том I

Каменская

Александра Маринина

**Ангелы на льду не
выживают. Том 1**

«Автор»

2014

Маринина А.

Ангелы на льду не выживают. Том 1 / А. Маринина — «Автор»,
2014 — (Каменская)

ISBN 978-5-699-73874-8

Прыжок. Еще прыжок. Холодная сталь коньков молнией рассекает голубой лед... Фигурное катание – красивый и изящный спорт. Миллионы людей с замиранием сердца внимают выступлениям наших фигуристов. И вот в этот сказочный мир мрачной тенью врывается жестокое убийство. Застрелен Михаил Валентинович Болтенков – тренер высшей категории, человек-легенда, мастер, взрастивший не одного чемпиона. Тело обнаружено у дома его коллеги Валерия Ламзина. Свидетели подтверждают: тренеры встречались перед убийством, они ругались и угрожали друг другу... Дело, как говорится, «в шляпе». Но у Насти Каменской и ее друзей с Петровки – Антона Сташиса и Романа Дзюбы – свое мнение на этот счет. Им открывается правда о бесчеловечности и цинизме, пропитавших голубой лед. Лед, на котором ангелы не выживают...

ISBN 978-5-699-73874-8

© Маринина А., 2014

© Автор, 2014

Александра Маринина

Ангелы на льду не выживают. Том 1

© Алексеева М.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Ангелы на льду не выживают.
Артур Вернер

Она не могла удержаться, чтобы не посматривать на свое отражение в витринах. Белая блузка в крупный горошек сидела на ней мешком и была явно коротковата, теми же достоинствами отличалась и юбка на два размера больше, чем требуется, к тому же клетчатый рисунок недвусмысленно свидетельствовал, да что там – просто кричал о высоком художественном вкусе носящей эту одежду дамы более чем средних лет. Немытые волосы лежали выразительной паклей, украшенной чудесным фетровым беретиком невнятного цвета. Можно было строить самые разные предположения, начиная от чрезвычайно бедственного финансового положения женщины и заканчивая ее полной неадекватностью и душевной болезнью, и среди всех этих версий не найдется ни одной сколько-нибудь близкой к истинному положению дел. А это именно то, что и нужно.

Настя Каменская улыбнулась собственному отражению и еще раз констатировала: она выглядит великолепно!

Наконец-то, спустя три года после выхода в отставку, она почувствовала себя совершенно счастливой, потому что получила возможность делать то, что ей так нравилось всю жизнь, но чему отчего-то никак не находилось места в ее работе. Вернее, находилось, конечно, но так редко... Много лет назад ее отчим, сыщик с большим стажем, сказал, что такая внешность, как у Насти, встречается крайне редко и просто грех этим не пользоваться. То, что для нее как юной девушки могло бы рассматриваться в качестве огромного недостатка, оборачивалось невероятными достоинствами при любых перевоплощениях. Да, Настя Каменская всегда была невзрачной и бледной, но благодаря абсолютно правильным чертам лица и пропорциональному сложению не бросалась в глаза. Точно так же не бросается в глаза пустой лист бумаги стандартного формата с идеально ровными краями, его можно просто не заметить, в то время как неровно оторванный клочок, исписанный закорючками, непременно окажется в центре внимания.

Уже три года Анастасия Каменская работает в частном детективном агентстве своего старого друга Владика Стасова и по крайней мере год из этих трех «подрабатывает», помогая старым знакомым, оставшимся на оперативной работе. Впрочем, «подработка» – слово неправильное, денег она за это не получает, работает из любви к искусству, а точнее – для собственного удовольствия. Конечно, если начальство этих самых знакомых узнает – головы им не сносить, но ведь не узнает же...

Сегодня ей нужно было познакомиться, поговориться и выудить кое-какие сведения из мужчины, который никуда не ходил без своей жутко подозрительной и сварливой жены. Узнав, что сегодня супруги планируют посетить районную поликлинику, Настя решила, что лучшей возможности ей не представится. Очереди там длинные, и знакомятся люди весьма охотно, делаясь впечатлениями о самом враче, в кабинет которого стремятся попасть, о его медсестре, о других врачах и работниках регистратуры, жалуясь на дороговизну лекарств, рассказывая о своих болезнях и давая всевозможные советы, а также адреса «чудесных женщин, которые снимают все за один сеанс и недорого».

Задачу свою Настя решила на удивление быстро и вышла из поликлиники вполне удовлетворенная. Вид немолодой недотепы вызывал доверие и жалость, посему никаких подозрений в адрес пенсионерки в дурацком беретике не возникло.

Единственным неудобством оказалась обувь: разношенных туфель подходящего размера у Насти не нашлось, были лишь кроссовки, и пришлось надеть то, что оказалось под рукой. А под рукой была только обувь, принадлежащая Дашеньке, жене Настиного брата Александра, и была эта обувь маловата. Но ничего, можно и потерпеть. Тем паче в неудобной обуви походка обычно делается корявой и неровной, что вполне соответствовало и блузке в горошек в сочетании с клетчатой юбкой, и плохим волосам (чтобы скрыть стильную стрижку, пришлось не мыть голову несколько дней и для пущего эффекта слегка смазать маслом), и удивительному, неизвестно с каких времен сохранившемуся беретику. Как хорошо, что Дашка любит возиться с растениями на своем участке! И как хорошо, что вся одежда и обувь, которую она использует для работы в саду, аккуратно разложена и развешана в хозяйственной пристройке! Вот и беретик там нашелся, и башмачки стоптанные...

Но идти с каждым шагом становилось все труднее, стопы начали болеть, и дама в беретике вполне отчетливо захромала. Машину-то пришлось поставить далеко, чтобы подойти к зданию поликлиники, не вызывая ни у кого ненужных мыслей.

Настя ловила на себе насмешливые и сочувственные взгляды встречающих прохожих и мысленно улыбалась. Подойдя к машине, вытащила из старой потрепанной сумки ключи, нажала на кнопку, отключая сигнализацию, и буквально наткнулась глазами на молодого симпатичного парня, который сначала с любопытством, а потом с ужасом смотрел на нее. Ну да, конечно, откуда у такой странноватенькой и явно бедноватенькой тетеньки может быть серебристый «Пежо»... Парень, судя по всему, решил, что у него галлюцинации, и потряс головой. Настя скользнула на водительское сиденье, захлопнула дверцу и тут же опустила стекло: день был жарким с самого утра, а теперь, во второй половине дня, воздух стал неподвижным, густым и душным, как перед грозой. Когда она ставила здесь машину больше трех часов назад, место было в тени, но, пока она добросовестно сидела в очереди к участковому терапевту, тень уползла далеко в сторону и автомобиль успел основательно прогреться.

А парень все стоял и пялился на нее, не веря своим глазам. Такая замухрышистая тетка – и за рулем! Настроение у Насти было отличным, поэтому она решила, что не грех добавить позитивчика и этому симпатяге-пареньку. Открыла свою ужасную кошелку, достала очечник, из которого извлекла очки в модной оправе, потом вытащила сигарету и щелкнула дорогой зажигалкой. Парень покачнулся, его повело. Настя весело подмигнула ему и завела двигатель. «Пусть малыш порадует, – насмешливо подумала она, – будет что приятелям рассказать. Рано они нас в старухи записывают».

Ехать предстояло далеко: уже три недели Настя и ее муж жили в загородном доме ее брата. Александр с Дашей повезли младшего ребенка в Швейцарию, нужна была сложная операция и последующая длительная реабилитация, но оставлять старшего сына, восемнадцатилетнего Саню, без присмотра не рискнули. Александр Каменский трезво оценивал своего, в общем-то хорошего и очень неглупого, но непослушного сына. Саня учился в институте, но это так, для проформы. Вся его жизнь заключалась в компьютере, а смысл этой жизни – в хакер-

стве. И достиг Саня Каменский на упомянутой стезе огромных успехов. Вместе со своим близким товарищем Петей, еще более крутым хакером, они просиживали за компьютерами сутки напролет и выделывали поистине невероятные вещи. Петя был на два-три года старше Сани, ни в каком институте не учился, в армии не служил по состоянию здоровья, работал по договорам, и свободного времени у него было предостаточно. Александр Каменский Петю недолюбливал, и когда Настя впервые увидела лучшего друга своего племянника, то чувства брата вполне разделила. Петя был огромен, толст, неопрятен и не очень хорошо воспитан, забывал здороваться, а слова «спасибо», казалось, вообще не знал.

Настин брат боялся двух вещей: что сынок завалит сессию, его отчислят из института и призовут в армию и что сынок вместе с другом Петей (он же Питер, он же Педро, Петруччо, Пьер и Петер) «ломанет» либо банк самого Каменского, либо какой-то другой, то есть совершит преступление и сядет. Поэтому он и попросил сестру временно переехать в дом Каменских, чтобы хоть как-то приглядывать за Санькой. Собственно, Настя как таковая была и не особо нужна, функции «пригляда» должен был осуществлять ее муж, который в компьютерных программах понимал на три порядка больше, чем сама Настя, и мог реально проконтролировать, чем парень занимается. На Настину же долю доставалось только приготовление диетического питания для парня, который к своим восемнадцати годам благодаря длительному потреблению кока-колы, гамбургеров и прочей удобной для поглощения без отрыва от компьютера пищи приобрел огромный букет всевозможных проблем, начиная от прыщей по всему телу и заканчивая язвой и панкреатитом. Сварить кашу, протертый суп, сделать пюре и проконтролировать своевременный прием лекарств – вот и вся Настина задача. Остальное – на Чистякове, который может по несколько дней подряд работать дома и руководить своей лабораторией дистанционно, переложив все текущие вопросы на заместителя.

Когда Настя парковала машину в гараже дома Каменского, было почти девять вечера, дорога заняла много времени, да еще пришлось останавливаться у супермаркета, чтобы купить продукты. Они с Чистяковым сразу отказались от услуг помощников и помощниц и попросили, чтобы никого не было. Им никто не нужен, они сами могут купить продукты и приготовить еду себе и Саньке, а женщина, которая делает уборку, пусть приходит не чаще одного раза в неделю. Саша с Дашей ведут светский образ жизни, у них постоянно собираются гости, потому и повар нужен постоянно, и горничная. А Настю и Чистякова все это будет стеснять. Правда, Дашка, знающая Настю много лет, высказала вполне обоснованные сомнения в способности родственницы сварить самую простую кашу. И была, безусловно, права. Каши варить Настя Каменская не умела. Равно как не умела варить протертые супы и делать другие диетические блюда.

Ну и что? Можно же научиться, в конце концов. Даже интересно попробовать, можно ли вообще чему-то научиться в пятьдесят два года или уже, как говорится, позднiак метаться? За несколько дней до переезда в загородный дом Настя открыла первое попавшееся руководство и попробовала сварить манную кашу. Получилось, надо признать, не просто плохо, а совсем плохо. Много времени ушло на отдиранье пригоревших комков от дна и стен кастрюли, затем последовала вторая попытка, за ней – третья... После шестой попытки манная каша получилась идеальной. Удовлетворенно вздохнув, Настя вспомнила слова из фильма «Служебный роман» о том, что при известной доле упорства можно и зайца научить курить, и приступила к освоению следующего блюда. К моменту переезда она чувствовала себя вполне уверенно в качестве повара, специализирующегося на диетическом питании. Правда, приготовление блюд для здоровых людей все равно оставалось ее слабым местом, но это уже никакого значения не имело. Ее задача – накормить племянника. А ее саму, как обычно, прокормит любимый муж.

Все окна на первом этаже были темными, Чистяков уехал с утра на ученый совет и предупредил, что вернется поздно: после защиты диссертации будет банкет. На втором светилось окно Санькиной комнаты. Каждый раз, думая о племяннике, Настя задавала себе один и тот

же вопрос: понимает ли ее брат, как ему повезло? Да, Александр боится, что сын вылетит из института или что-то натворит. Но парень по крайней мере сидит дома. И можно быть совершенно уверенным, что он жив и с ним ничего не случилось. За время работы в уголовном розыске Настя видела много семей, которые отдали бы все, что у них есть, чтобы их ребенок проводил время дома, а не болтался невесть где и не занимался неизвестно чем. А Александр не ценит своего счастья, все придумывает какие-то страшные опасности, которые на самом деле не являются страшными. Кто знает, что лучше: сын, отбывающий срок за хищение, или сын, к которому можно приходить только на кладбище? Настя Каменская ответ знала точно. А вот ее брат, похоже, о таком ответе даже не догадывался.

Она включила свет в прихожей, надела тапочки и отнесла сумки на кухню. Заглянула в холодильник, потом в раковину – так и есть, Саня поленился разогреть то, что она приготовила, и ел холодную кашу прямо из кастрюли, а овощную запеканку хватал руками. Сиротливо валяющаяся на дне раковины столовая ложка, испачканная кашей, вкупе с остатками запеканки, места для других версий не оставляла.

Настя поднялась в комнату племянника, выдала ему все положенные лекарства вместе со стаканом воды. Таблетки и порошки Саня безропотно выпил, даже не повернувшись к тетке и ни на секунду не оторвав взгляд от экрана компьютера.

– Чем занимаешься? – дежурно спросила Настя.

– К контрабанде готовлюсь, – так же дежурно ответил Санек.

Контрабандой на молодежном сленге именовалась контрольная работа.

– А погулять? – предложила она.

Это превратилось в своеобразную игру: каждый вечер Настя предлагала ему выйти на прогулку и каждый вечер получала объяснение, почему это сделать невозможно. Объяснения были каждый день разными, и ей было страшно интересно, когда же у Сани иссякнет фантазия и он начнет откровенно грубить.

Кажется, этот день настал именно сегодня.

– А пойти в баню тапки пинать? – выступил он со встречным предложением, суть которого, все на том же сленге, сводилась к предложению отстать и оставить в покое.

– Легко! – тут же согласилась Настя и вернулась вниз.

Устроившись в мягком кресле у широкого окна гостиной, она достала старую записную книжку и взяла в руки мобильник. Есть спокойный свободный вечер, чтобы сделать обязательные телефонные звонки. За двадцать пять лет службы в уголовном розыске у Анастасии Каменской появилось огромное количество знакомых в самых разных профессиональных сферах и социальных слоях, и она взяла за правило не реже раза в полтора-два месяца звонить каждому, узнавать, как дела, поздравлять с праздниками... Одним словом, поддерживать отношения. Мало ли, как может повернуться работа сыщика, пусть и частного. Никогда не знаешь заранее, к кому и по какому вопросу придется обратиться в поисках нужной информации или за помощью.

Дышать становилось с каждой минутой все труднее, воздух, казалось, облеплял лицо влажной маской, и наконец сверкнула молния, а через несколько секунд в небе гроыхнуло, и начался сильнейший ливень.

* * *

Собака яростно отряхивалась перед тем, как кинолог дал ей команду запрыгивать в машину, но все равно с густой шерсти на пол моментально натекла внушительная лужа. Следователь Баглаев с тоскливой завистью посмотрел на микроавтобус, в котором приехала дежурная следственно-оперативная группа и где теперь с комфортом будут посиживать кинолог с псом, и удрученно покачал головой: осматривать место происшествия под проливным

дождем – занятие не только малоприятное, но, что еще хуже, практически неэффективное. Да еще в такую темень... Конечно, прожекторы выставили, но все равно это далеко не то же самое, что при ярком дневном свете. И что служебно-розыскная собака, даже самая лучшая, сможет найти толкового в сплошной воде? Но инструкция есть инструкция: на труп положено выезжать с кинологом.

Эксперт-криминалист, матерясь сквозь зубы, прочесывал магнитными граблями место обнаружения трупа, постепенно расширяя радиус поиска. Потоки воды могли снести гильзу бог знает куда. Если гильза вообще есть.

Полицейский-водитель и местный участковый стояли рядом, держа зонты над судебно-медицинским экспертом, осматривающим труп мужчины с огнестрельным ранением в спину, и над Баглаевым, который записывал под диктовку эксперта осмотр трупа и настороженно прислушивался к нарастающей боли в коренном зубе справа. Болело уже третий день, похоже, нерв начал обнажаться, и Тимур Ахмедович записался к стоматологу как раз на завтра, зная, что после суточного дежурства ему полагается выходной. Судебный медик извлек из кармана куртки паспорт, права, документы на машину, еще какой-то документ в твердых корочках, похожий на удостоверение, и ключи от машины.

– Держи, – он протянул документы следователю. – И напomini мне, когда закончим, я там тебе пару фразочек припас.

Баглаев благодарно улыбнулся. Многие коллеги знали о его хобби: Тимур Ахмедович, страстный поборник чистоты и правильности речи, коллекционировал «перлы» из письменных документов. Например, одним из последних его приобретений была фраза, взятая из протокола осмотра места происшествия: «Со столба и проволоки изъяты кусочки белой нитки красного цвета». А уж от судебно-медицинских экспертов порой поступали поистине бесценные подарки.

Судя по фотографии в паспорте и на правах, документы принадлежали убитому. Михаил Валентинович Болтенков, 1961 года рождения, прописан в Москве, зарегистрирован брак с гражданкой... выдан загранпаспорт...

Следователь быстро переписал в блокнот данные из паспорта и протянул все документы оперативнику.

– Федя, проверь.

Тот пролистал странички паспорта, бросил взгляд на права, открыл третий документ и удивленно присвистнул.

– О, Тимур Ахмедыч, а терпила у нас, оказывается, тренер высшей категории.

– Какой еще тренер? – буркнул Баглаев, продолжая записывать под диктовку.

– По фигурному катанию. Вот удостоверение тренера.

Ну, тренер так тренер... Какая разница? По мнению Тимура Ахмедовича Баглаева, в этой жизни существуют только два вида настоящего спорта – футбол и бокс. Все остальное – фантики. Тем более фигурное катание.

– Работай давай, – недовольно бросил он Федору Ульяновцу.

– Так а чего? Тут же адрес по прописке есть, ехать надо.

– Пробей сначала.

– Да зачем, Тимур Ахмедыч? Тут же все написано, в паспорте-то.

– По всем учетам пробей, я сказал!

Баглаев сердито зыркнул на Федю. Ох уж этот Ульяновец! Все бы ему побыстрее, с наскока, нахрапом! Чего там думать? Трясти надо! И откуда у этого опера такая самонадеянность? Ну да, конечно, был случай, когда Федор проявил просто невероятную способность к принятию решения, опираясь только на интуицию. Баглаев хорошо помнил тот эпизод, он был следователем по делу. Никто не верил в то, что Федя угадал... Разговоров тогда много было, Федей восхищались, но... Это ведь произошло только однажды. Больше ничего подобного ни разу не

повторилось. А парень свято уверовал в свою интуицию и в то, что может без всяких дополнительных проверок определять на глазок достоверность любой информации. Доведет его до беды когда-нибудь эта самоуверенность, ох, доведет... Сам Баглаев – человек, как говорится, другой конструкции, любит, чтобы все было по порядку, аккуратненько, последовательно, как положено. Вот что сейчас происходит? Есть труп, есть документ, в документе есть адрес по прописке. Да, если верить фотографиям в паспорте и на водительском удостоверении, убитый действительно является неким Михаилом Болтенковым. И нужно ехать к нему домой и задавать вопросы членам семьи: куда поехал? Зачем поехал? Когда поехал? Все правильно. Но где гарантия, что члены семьи проживают именно по тому адресу, который указан в штампе о прописке? Сегодня жизнь такая: прописан в одном месте, а проживает совсем-совсем в другом, это норма. Прибежит Федя в адрес, начнет звонить в дверь, людей с постели поднимет – время-то уже за полночь, а они ни сном ни духом, квартиранты какие-нибудь. Или вообще квартира стоит пустая и никакой Болтенков в ней не живет, и дверь Феде никто не откроет. Только время упустит пустой поездкой. Элементарно ведь! А Федор уверен, что надо немедленно ехать, ничего не проверяя. Интуиция у него, видите ли...

Баглаев быстро записывал в блокнот то, что говорил эксперт. Писать начисто протокол под таким ливнем – занятие глупое. Потом сядет в машину и спокойно все напишет, как положено. Краем глаза он заметил, что Ульяновсел в микроавтобус, а не в свою машину. Значит, указание следователя выполняет. Молодец.

– Тимур Ахмедыч, – раздался через некоторое время взбудораженный голос оперативника, – я пробил по учетам, наш терпила проживает по месту прописки, вместе с ним проживают жена и малолетний сын. Сам он родом из Череповца, в Москве с семьдесят третьего года. Жена – врач МЧС. Так я поеду уже, а?

Федор от нетерпения переминался с ноги на ногу и машинально поглаживал недавно обритую голову.

– Поезжай, – кивнул Баглаев.

Федор уехал. Следователь обернулся к участковому.

– Попроси кого-нибудь из понятых вместо тебя зонт подержать, а сам начинай вместе с остальными ребятами машины проверять, вдруг там кто-то сидит, парочки, к примеру, или, может, ждут кого-нибудь.

– Понял, – откликнулся участковый без особого энтузиазма.

Ну оно и понятно, держать зонт – это ведь и самому под ним стоять, а не бегать под дождем.

На успех Тимур Ахмедович особо не рассчитывал, но по привычке делал все, как надо, от и до. Ночью да в ливень найти очевидцев того, что происходит на улице, дело безнадежное, все сидят по домам, а большинство уже и спит давным-давно. Так что люди, которые могли бы находиться в припаркованных неподалеку машинах, это единственный шанс. Хотя, впрочем, есть еще варианты...

Он снова окликнул участкового, который не успел еще далеко уйти.

– А кто у тебя в подвалах? Бомжи, гастарбайтеры?

– Нет, у меня в подвалах порядок. Проверяю регулярно.

Жаль... Обитающая в подвалах публика живет не по общепринятому графику, и вот они-то как раз вполне могли и под дождем, и в глухую полночь выходить или возвращаться.

– Но ты все равно проверь на всякий случай, – велел Баглаев. – А вдруг кто-то там сегодня шуршит?

– Сделаем.

– И номера квартир, в которых окна горят, тоже продиктуй.

А что? Время, конечно, плохое, но если свет горит в окне, значит, люди не спят, так почему не попробовать поговорить? Может, они знают убитого? Или видели что-то? Или хотя бы слышали?..

– Есть, Ахмедыч! – раздался возглас криминалиста. – Девятимиллиметровая, стандартная.

Ну вот, хоть гильзу нашли, уже что-то. Теперь надо искать оружие. Машину потерпевшего тоже надо искать, потому что если ключи в кармане, то он, скорее всего, на ней и приехал. Ладно, в такую темень все равно искать бесполезно, ну разве что машину найти можно, а уж оружием, если убийца его сбросил где-то поблизости, придется заниматься утром. И поквартирный обход тоже с утра начать, пораньше, пока люди на работу не ушли.

Тимур Ахмедович с сожалением подумал о том, что как раз на минувшей неделе закончил следствие по двум делам и передал материалы в суд. Так что убийство этого Болтенкова руководство поручит именно ему, скажет, что в целях равномерного распределения нагрузки... и так далее... А коль так, то не видать ему завтра законного выходного, полагающегося после суточного дежурства. Надо будет что-то придумывать с зубом, дальше тянуть нельзя. Ладно, выкрутится как-нибудь.

Он сел в микроавтобус, собираясь начать составлять начисто протокол осмотра места происшествия, полез в карман за ручкой, пальцы нащупали сложенный вчетверо листок – тот самый, что дал ему судмедэксперт. На улице под дождем Баглаев сразу спрятал листок в карман, не читая. Вот теперь для поднятия настроения можно и посмотреть, чем порадовал его эксперт. «В своем объяснении на имя начальника полиции Саидов указал, что при похищении его дочери он сам и его жена были убиты, но заключением судмедэкспертизы это не подтвердилось». «При этом в морг направляется труп неизвестного гражданина, при опросе которого выяснено, что фамилия его Жаров и он был обнаружен в кабине автомобиля в сидячем положении». «В судмедэкспертизу направляется труп Полянина для установления факта смерти. При наружном осмотре факт смерти не установлен».

Несмотря на усталость, дискомфорт от мокрой одежды и печальной перспективы остаться без выходного и без медицинской помощи, Тимур Ахмедович сначала негромко фыркнул, потом не выдержал и расхохотался.

* * *

Вера Болтенкова смотрела на невзрачного крепкого бритоголового паренька и не могла поверить в то, что он говорит. Мишу нашли застреленным... Как же так? Почему? Ведь ничего не произошло такого уж серьезного, он поехал просто поговорить, извиниться, помириться... Нет, этого не может быть, это наверняка какая-то ошибка!

– А вы уверены, что это Миша? – звенящим от напряжения голосом спросила она.

Дверь в комнату приоткрылась, на пороге возник заспанный мальчик в пижамке с ежиками.

– Мама, что случилось? – непроснувшимся голосом спросил он. Потом заметил чужого человека, и сонное выражение глаз сменилось испуганным. – А вы кто? А папа где?

Вера постаралась взять себя в руки, чтобы не напугать сына еще больше.

– Папа уехал по делам, он задерживается, иди, мой хороший, ложись.

– А вы кто? – упрямо повторил ребенок, не сводя настороженных глаз с оперативника по имени Федор.

– Сыночек, дядя приехал к папе, он его подождет. Иди ложись.

Мальчик потоптался еще несколько секунд на пороге и ушел в свою комнату.

– Пожалуйста, давайте потише, – попросила Вера.

Оперативник, казалось, не испытывал к ней ни малейшего сочувствия. Он равнодушно пожал плечами и заметил:

– Да вы сами первая кричать начали. Итак, куда, когда и с какой целью уехал ваш муж? С какой целью...

Михаил вернулся после тренировки расстроенный и возбужденный. Оказалось, к нему пришел какой-то тренер по фамилии Ламзин и устроил скандал. Вера вышла замуж за Михаила Болтенкова десять лет назад и о спортивном прошлом своего мужа знала мало, а вернее – не знала почти ничего, кроме основных фактов: был спортсменом, потом стал тренером. Конечно, она была знакома с нынешними учениками мужа, они постоянно приходили к ним домой, но в целом Вера была как-то не очень в курсе, что происходит в работе Михаила и в фигурном катании в целом. Фамилию «Ламзин» она слышала в общих разговорах, но лично с этим человеком знакома не была.

– Из-за чего скандал? – спросила она.

Но Михаил говорил бурно и невнятно, так, словно она должна отлично знать, в чем суть.

– Конечно, я виноват, глупо это отрицать, но я виноват в том, что случилось тогда, а не сейчас. Как Валерка этого не понимает? Ворвался в тренерскую и стал орать, что зря он тогда меня не убил, хоть не напрасно отсидел бы.

Муж взволнованно говорил что-то еще, приводил непонятные Вере аргументы, как будто оправдываясь не то перед ней, не то перед неведомым ей Ламзиным. И она посоветовала Михаилу поступить так, как поступила бы сама: объясниться и снять конфликт. Ну и извиниться, разумеется.

– Ты права! – Михаил забежал по комнате, отыскивая футболку и носки, которые успел снять. – Ты совершенно права! Я поеду и поговорю с Валеркой, он должен меня понять. Это все какое-то недоразумение! Что было – то было, уж сколько лет прошло, нельзя сейчас из-за этого... То, что случилось тогда, было детским, глупым, несерьезным, а то, что случилось сейчас, это взрослая история, и не следует смешивать одно с другим! Черт! Черт!

Вера рассказывала и с трудом верила в то, что все это происходило всего несколько часов назад.

– В котором часу ваш муж пришел домой? – деловито спросил оперативник.

– Около семи вечера. У него сегодня только одна тренировка, с двух до четырех.

– Сегодня? А обычно их сколько?

– Обычно бывает по две, а то и по три. Но сейчас более спокойный период у спортсменов, соревновательный сезон закончился, поэтому у Мишиной группы четыре раза в неделю по две тренировки в день и два раза по одной. В воскресенье выходной.

– Понятно. И он утверждал, что некий Ламзин угрожал его убить?

Вере было тошно и страшно. Этот парень говорил явно что-то не то, но у нее не было сил поправлять его и объяснять, что Ламзин не угрожал, а сожалел о том, что не убил Мишу раньше... Да какая разница, в конце концов! Миши больше нет, вот что важно. Все прочее значения не имеет.

Она молча кивнула, не сводя глаз с фотографии в рамке, стоящей на книжной полке: они втроем с Мишей и сыном, смеющиеся, счастливые. Как же так? Ну не может же быть!

– Вы знаете, где живет Ламзин?

Она так же молча отрицательно покачала головой. Вера так мало знала о подробностях внутриспортивной жизни! И лично знакома была только с теми тренерами, с которыми дружил и постоянно общался Михаил. Но даже их адресов и телефонов она не знала.

Оперативник поднялся и вышел в коридор, на ходу доставая из кармана мобильник. Она слышала его приглушенный голос, но слова разобрать не могла, да и не пыталась. Не было в этот момент ничего важнее мысли: Миши больше нет.

Она даже не нашла в себе сил удивиться или насторожиться, когда полицейский заглянул в комнату и попросил закрыть за ним дверь. Лицо его сияло.

– Завтра с вами захочет побеседовать следователь, – предупредил на прощание Федор. – И еще: вам придется приехать в морг на опознание.

Вера снова молча кивнула, тщательно заперла дверь квартиры и на цыпочках прошла в комнату к сыну. Мальчик не спал.

– Почему ты не засыпаешь? Надо спать, уже очень поздно.

– Дверь хлопнула, я слышал. Это папа пришел?

– Нет, сыночек, этот дядя ушел.

– Он не стал дожидаться папу?

– Нет, уже очень поздно, даже взрослым дядям пора спать.

Она долго сидела возле сына, пока не убедилась, что тот крепко спит, потом прошла на кухню, трясущимися руками приготовила горячий чай и обхватила большую чашку ладонями, чтобы унять озноб. Надо как-то дожить до утра... Утром она позвонит Игорю Шнитову. Они не очень близко знакомы, но Игорь Эдуардович всегда поддерживал Михаила и помогал ему. Где-то у нее лежала визитка Шнитова с номерами телефонов.

Зачем звонить члену Исполкома Федерации фигурного катания на коньках России, она не могла бы объяснить толком, но ничего другого ей в голову не пришло.

* * *

Оперативник Федор Ульяновцев чувствовал себя на коне. Неслыханная удача, раскрытие преступления по горячим следам, и не просто по горячим, в течение 24 часов, а просто-таки по кипящим, в течение первых же двух часов. Звонок в соответствующую службу – и у него есть адрес того самого Ламзина Валерия Петровича, 1963 года рождения, тренера по фигурному катанию. И адрес этот в точности совпадает с тем местом, где два часа назад обнаружен труп Михаила Валентиновича Болтенкова. Ну разве что квартира... А так – и улица, и дом. Разумеется, Федор тут же позвонил следователю Баглаеву, а уж Ахмедыч своего не упустит, вопьется в этого Ламзина как клещ, хватка у него знатная. Впрочем, вряд ли Тимуру Ахмедовичу удастся впиться в самого тренера-убийцу, преступник наверняка уже свалил подальше и теперь будет скрываться, но с ним вместе проживают жена и взрослая дочь, и уж с них-то Баглаев не слезет, пока не выбьет все нужные показания, а также место, где скрывается их муж и отец.

* * *

– Голоса, говоришь, слышали? – задумчиво переспросил Баглаев участкового, отключая мобильник, по которому только что поговорил с Федей Ульяновцевым. – Мужские?

– Ну да, сначала скандалили, кричали друг на друга, потом в сто второй дверь хлопнула два раза с интервалом примерно в минуту.

В квартире номер 102 в доме, расположенном в ста пятидесяти метрах от места обнаружения трупа, проживал Валерий Петрович Ламзин, тот самый, к которому убитый, по утверждению жены, поехал поговорить и объясниться. Ага, поговорил. И объяснился. Результат, как видим, налицо.

Ну что ж, если сложить вместе то, что узнал Ульяновцев, и то, что удалось выяснить участковому, то картина получается понятной и логичной. Ламзин сегодня угрожал Болтенкову убийством, Болтенков вечером поехал к Ламзину, чтобы помириться и снять конфликт. Помириться не удалось, мужчины кричали друг на друга, после чего Болтенков ушел из квартиры Ламзина, а следом за ним, буквально через минуту, выскочил сам Ламзин, прихватив с собой пистолет. Догнал Болтенкова в ста пятидесяти метрах от дома и застрелил.

А может, не так уж и плохо, что это убийство случилось именно в дежурство Баглаева? Быстрое и легкое раскрытие, куча свидетелей... Правда, Ламзина этого еще найти надо, ведь крайне маловероятно, что он застрелил своего недруга и вернулся домой спать, а пистолет аккуратно положил в тумбочку. Нет, конечно же, все будет не так просто, но это уже задача розыска, а не следствия. Ламзин наверняка подался в бега, но в том, что он убийца, сомнений никаких нет.

– Окна сто второй покажи мне, – попросил он участкового.

В больном зубе возникла острая дергающая боль, и Тимур Ахмедович непроизвольно поморщился и дотронулся пальцами до правой щеки. Нет, тянуть нельзя, надо постараться завтра непременно вырваться к стоматологу.

– Вон они, пятый этаж, третье и четвертое налево от водосточной трубы.

В окнах был свет. Вот и ладушки, будить никого не придется.

* * *

Прийти в офис к закупщику без предварительной договоренности о встрече – дело нереальное. И Химин это отлично понимал, потому и воспользовался добрыми отношениями с байером отдела молочных продуктов, который подтвердил, что представители «Файтера» идут на встречу именно к нему. Хотя на самом деле Химину, ведущему менеджеру отдела по работе с VIP-клиентами компании «Файтер-трейд», позарез нужно было встретиться с начальником отдела закупки сети «Оксиджен» по непродуктивной группе товаров. Груз, который «Файтер» должен был получить еще полтора месяца назад, прочно застрял на таможне, в то время как по договору с сетью магазинов «Оксиджен» товар следовало отгрузить им уже давно. И вроде бы все было сделано по правилам, все документы о задержках отгрузки по уважительной причине предоставлены, однако сеть ошибочно выставила «Файтеру» штрафы за недопоставку, оспорить и отменить которые было крайне сложно, а эта стерва Лара Крофт, не к ночи будь помянута, на электронные письма не отвечает и телефонную трубку не берет. Ну да не беда, Химин на своем месте не первый год работает и с такими Ларами управляться умеет. А вообще-то забавно: название компании вроде бы обязывает, «Fighter» в переводе с английского означает «Боец», а вот вопросы решать приходится вовсе не бойцовскими методами, а хитроумными вывертами.

Приехал он не один, пришлось взять с собой менеджера, отвечающего за сеть «Оксиджен», которую для краткости и удобства все именовали не иначе как просто «Окси». Вообще-то толку от него – как с козла молока, а если точнее – то вред один, но никуда не денешься, есть указание владельца «Файтер-трейда», самого Орехова, натаскивать и учить эту бестолочь, которая по совместительству является еще и единственным и любимым папиным сыночком. Вообще-то Орехов-старший мужик деловой и правильный, заставил сынка проходить весь путь с самого низа, чтобы своими глазами все увидеть и своими мозгами все понять. Кроме одобрения, такая политика ничего вызвать не могла бы, если бы не одно «но»... Такое коротенькое, однако жирное и весомое: Орехов-младший, а попросту говоря, Филиппок, как называл его про себя Химин, был существом абсолютно безмозглым и безответственным. По крайней мере, на взгляд ведущего менеджера по работе с VIP-клиентами. Филипп хотел все и сразу, он злился на отца, который не давал ему расти в должности и заставлял постигать науку менеджмента, набивая шишки на собственной голове. Вести переговоры самостоятельно Филиппу, разумеется, пока еще не доверяли и доверяют ох как нескоро. Но он должен неизменно присутствовать на всех встречах и учиться, учиться, учиться... Филиппок присутствовал. А вот учился ли – большой вопрос. Впрочем, Химин над этим голову не ломал, не его это дело. Ему велено брать с собой и натаскивать – он выполняет. Да и если положить руку на сердце, то бестолковость и безответственность – это, пожалуй, единственные недостатки Орехова-млад-

шего. Во всем остальном он парень вполне приятный, компанейский, с чувством юмора, не злобный, не конфликтный, покладистый и открытый. И в качестве спутника, с которым коротаешь досуг в московских пробках, добираясь к месту деловых встреч и потом назад, в офис «Файтер-трейда», очень даже годился. С ним, по крайней мере, не было скучно.

Химин с Филиппом поднялись на третий этаж и тут же нос к носу столкнулись с невысокой, очень стройной и очень яркой молодой женщиной.

– О, Лара... – выпалил Филипп, за что немедленно получил ощутимый тычок локтем в бок.

– Ольга, добрый день, мы к вам, – с вежливой улыбкой проговорил Химин.

Именно так: Ольга, а не Ольга Геннадьевна и уж тем более не Оленька. Ольга Виторт, руководитель отдела по закупке непродовольственных товаров (именующегося по традиции на западный манер «нон-фудом») сети магазинов «Оксиджен», стремилась к краткости, но категорически не признавала панибратства. Мало кому удавалось увидеть улыбку на ее красивом лице, а те, кому довелось по тому или иному (но ни в коем случае не романтическому) поводу коснуться ее руки, плеча или спины, например подавая пальто или помогая выйти из машины, ощутили стальные мускулы сильного, хорошо натренированного тела. Ольга Виторт систематически посещала фитнес-клуб и время проводила там отнюдь не в косметическом кабинете и не в солярии. Если бы Химина попросили охарактеризовать ее тремя словами, он не задумываясь произнес бы: «Быстрая. Жесткая. Холодная». Именно поэтому за начальницей отдела «нон-фуд» прочно закрепилось прозвище «Лара Крофт». За глаза ее только так и называли и в «Окси», и за его пределами.

Но какой же идиот все-таки этот Филиппок! Взять и ляпнуть вслух прямо ей в лицо...

Ольга совершенно точно глухой не была, однако на глупость визитера не отреагировала. По крайней мере, внешне. Хотя Химину показалось, что в глубине ее темно-карих глаз полыхнул злобный огонек. Полыхнул и сразу погас.

– Добрый день, – ничего не выражающим, каким-то механическим голосом ответила Ольга. – Зачем вы пришли? Что вы хотите от меня услышать? Если бы мне было что вам сказать, я бы сама с вами связалась. Сейчас у меня нет времени.

Как всегда, она говорила быстро, напористо, короткими фразами. На человека неподготовленного подобная манера общения с партнерами оказывала такое же воздействие, как гипнотизирующий взгляд удава на кролика: мгновенно возникало впечатление, что добиться все равно ничего не удастся, нечего и пытаться. Но Химин знал Ольгу Виторт не один год и понимал: это всего лишь ловкий и хорошо отработанный прием, позволяющий с ходу отсеять тех, кто пришел, не имея весомых убедительных аргументов. Огромное количество поставщиков являются к закупщикам, надеясь исключительно на свое обаяние, при помощи которого можно выколотить для своей фирмы какие-то скидки, льготы или преференции. Тратить на них время Ольга не собиралась. Однако если у партнеров были аргументы, Ольга Виторт умела их слышать и принимать во внимание.

– Ольга, нам с вами надо что-то решить с этими штрафами, сумма нешуточная, – негромко, но твердо произнес Химин. – Мы все понимаем, недоразумения случаются, но с нашей стороны были заблаговременно предоставлены все необходимые письма о том, что мы блокируем артикулы в связи с задержкой партии товара на таможне. Если мы не решим этот вопрос, мне просто запретят вас отгружать. Вы готовы к тому, что мы прекратим отгрузки?

Ольга повернулась и быстро пошла вдоль длинного коридора в сторону офиса, где сидели сотрудники ее отдела. Химин и Филипп двинулись за ней, стараясь идти рядом, а не сзади, хотя ширина коридора для подобного дефиле не очень-то годилась.

– Прекращайте, – равнодушно ответила Виторт, и Химин с завистью отметил, что при такой быстрой ходьбе у нее ни на йоту не сбилось дыхание. – Я выставлю вам еще один штраф за недопоставки. У нас с «Файтером» подписан контракт, который никто не отменял. Анну-

лизовать эти штрафы в закрытом бухгалтерском периоде крайне проблематично. Почему вы сразу не подняли этот вопрос, когда получили заказы на заблокированные артикулы, а спохватились только тогда, когда вам выставили счета на штрафы?

Химин почувствовал облегчение: Ольга приводит объяснения, то есть, с учетом ее характера, практически оправдывается, а это означает, что она ерепенится исключительно для формы, а на самом деле готова обсуждать пути решения проблемы. Он уже сделал вдох, чтобы сказать, что... Но в этот момент вылез Филиппок и все испортил.

– А вы не боитесь, что мы подадим на вас в суд? – ехидно осведомился он. – Мы не можем себе позволить работать в подобном режиме и дальше. Так что готовьтесь, мы будем долго и нудно судиться.

Не замедляя шага, Ольга чуть повернула голову налево, бросила на сына владельца «Файтер-трейда» короткий невыразительный взгляд и едва заметно усмехнулась. Химин мысленно выматерился: ну куда этот придурок самоуверенный лезет? Он что, не понимает, что с Ларой так нельзя? Да и ни с кем нельзя. Потому что угроза судебным преследованием равносильна угрозе оружием: бессмысленно вытаскивать из кармана и грозно размахивать пластмассовым ножом для разрезания бумаг, и точно так же глупо и бессмысленно угрожать судебными исками в сегодняшней России, где судебная система, особенно в области гражданского и арбитражного судопроизводства, давно забуксовала и захлебнулась. Но даже если бы перспективы судебного разрешения вопроса и удовлетворения исковых требований были менее туманными, прибегать к таким угрозам все равно нельзя. Выиграть суд означало бы вылететь из сети «Оксиджен», ведь «Файтер-трейд» далеко не единственный поставщик на свете, есть множество других, которые спят и видят, чтобы их товары «для спорта, отдыха и здорового образа жизни» продавались в такой разветвленной сети магазинов, как «Окси». А вот другой такой сети, через которую «Файтер» сможет реализовывать продукцию в таких же масштабах, пожалуй, и не найдется. Не зря же «Окси» находится в списке ВИП-партнеров! Так что с этой Ларой Крофт не ссориться надо, а договариваться.

– Коллега шутит, – торопливо сказал Химин, стараясь придать голосу как можно больше мягкости и теплоты, – признаю, шутка вышла неудачной, но это по неопытности. Приношу извинения.

Он с неудовольствием отметил, что и сам, невольно копируя Ольгу, начал говорить короткими фразами. Не хватало еще подражать этой сучке!

– У нас и в мыслях не было прибегать к помощи суда, – продолжал он. – Мы стремимся к взаимовыгодному сотрудничеству и готовы ради этого сделать все возможное и пойти на определенные уступки. Но мы просили бы вас поставить нас в известность о своих планах. У вас трудности – мы это понимаем, и мы со своей стороны сработали не на сто процентов безупречно, не подняв этот вопрос сразу, вы правы. Но мы точно так же понимаем, что в вашей компании должны быть какие-то варианты действий в подобных ситуациях. Наверняка мы не первый и не последний поставщик, который столкнулся с такой проблемой. Мы вас очень просим понять, что для нас это настоящий камень преткновения. В противном случае пострадаем и мы, потому что через вас не продадим запланированный объем товара и недополучим прибыль, и вы из-за дыр на полке и тоже, в конечном итоге, недопродаж.

Они дошли до двери офиса, и Ольга резко толкнула дверь. Химин и Филипп Орехов вошли следом за ней в помещение, где находились три рабочих стола с компьютерами и еще один – за стеклянной выгородкой. Два стола сотрудников пустовали, хотя экраны включенных компьютеров мерцали звездочками, за третьим работал молодой мужчина со скучающим лицом. Наблюдательный Химин успел заметить, что в тот момент, когда Ольга шагнула в комнату, этот сотрудник мгновенно переключил программы. Сейчас на экране висела какая-то таблица, но до этого – Химин мог бы поклясться – совершенно определенно распознавался интерфейс популярной социальной сети.

«Тоже мне, работничек, – усмехнулся про себя Химин. – Небось с девками переписывается, свидания назначает. Посмешище! Впрочем, чего удивляться, все понятно».

Ольга Виторг между тем молча прошла к своему столу за стеклянной выгородкой и стала перебирать какие-то бумаги. Непонятно, чего она ждала: то ли того, что незваные посетители наконец уметутся восвояси несолоно хлебавши, то ли продолжения уговоров. Химин решил продолжить.

– Давайте я предоставлю всю переписку, которая подтверждает, что мы заблаговременно предупреждали о проблемах на таможне. Или давайте мы заплатим этот штраф, но вы на эту сумму предоставите бесплатно нам какой-нибудь маркетинг в следующем месяце. Мы готовы искать компромисс, чтобы не подставлять вас и не вовлекать в сложности. Но поймите, что, если мы что-то не предпримем, ситуация зайдет в полный тупик.

Ольга наконец оторвала взгляд от документов и впервые с момента их встречи в коридоре посмотрела прямо в глаза Химину. Это был хороший знак. Лара Крофт никогда не смотрела в глаза человеку, если изначально не имела намерения с ним договариваться. Химин почувствовал, как напряжение стало отпускать и плечи немного расслабились.

– На какую сумму у нас сейчас по «Файтеру» уже освоен маркетинговый бюджет?

Она обращалась к своему подчиненному, но глаза ее по-прежнему были устремлены на Химина. И в этих глазах ему чудились одновременно снисходительность и уважение.

Сотрудник, который работал в отделе Ольги не меньше полутора лет, но имени которого Химин так до сих пор ни разу и не услышал и по этой причине именовал его Малой, замаялся.

– Э-э-э... Не готов сказать навскидку, надо уточнить.

– Ну так уточни, – в голосе начальницы прозвучала неожиданная мягкость. – Хорошо, считайте, что мы договорились. Мы подумаем, какие промо-активности можно вам бесплатно предложить на сумму штрафа и в какие месяцы в течение года. И сообщим на следующей неделе. Это все?

– Все, – выдохнул Химин.

Он был доволен. На то, чтобы выйти из переговоров с твердым обещанием отменить штрафы до окончания завтрашнего банковского дня, никто и не рассчитывал. Нормальное течение финансовых взаимоотношений.

Но Филиппу надо пистон вставить, и побольнее. Чуть не сорвал все мероприятие своим неуместным упоминанием о судебной тяжбе. Учишь его, учишь... а толку – чуть. Даже и не чуть, а вовсе никакого.

Пока они возвращались по длинному коридору к лестнице и спускались вниз, Химин молчал, дав себе волю только в машине, когда их никто не мог слышать. Орехов-младший в ответ на его гневную тираду легко рассмеялся:

– О! Сколько ты интересных слов знаешь, оказывается! Имеет смысл специально косячить, чтобы потом иметь удовольствие насладиться твоим красноречием.

– Не умничай, – буркнул быстро остывший Химин. – Сам ведь понимаешь, что из-за твоего выступления про суд мы чуть не пролетели мимо денег. Не знаешь, что сказать – так хоть молчать научись, блин!

– Да ладно, не пыли, – Филипп широко улыбнулся. – Никакой катастрофы не произошло. Все закончилось мирно и благополучно.

– Это ты еще скажи спасибо, что Малой не держит в голове, что у нас полтора года назад была точно такая же лажа со штрафами, но лоханулись именно мы, потому что письмо прислали всего за день до заказа. Лара наверняка не помнит этого тоже, иначе сказала бы, что такое с нами не в первый раз и мы не умеем работать, а коль так – то и расхлебывать должны мы сами. И был бы у нас с тобой полный попадос. Ни тебе отменить штраф, ни компромисс найти, а если упрешься или начнешь возникать – тоже вред один, – заметил Химин. – А теперь,

даже когда она узнает, у нее хода назад не будет, все же знают, что ее слово – закон, можно ничего не подписывать, она от своего обещания никогда не откажется. Репутацию бережет.

– Угу, – согласно кивнул Филипп, – повезло нам, это точно. А вот Ларе не повезло с этим парнем. Это ж уму непостижимо: не знать статус выборки бюджета по крупнейшему поставщику даже приблизительно! Любой хороший менеджер такие вещи должен в голове держать и в любой момент выдавать, а этот... ответить он, видите ли, затрудняется. Оборжаться и не встать! И на фиг Лара его держит? Взяла бы толкового человека вместо него. На кой хрен он ей сдался? Ни рыба ни мясо, всегда молчит, ничего не знает. Его вообще не видно и не слышно, вот сколько раз мы с тобой его видели, а даже имени не знаем. Ты его Малым называешь. А он, может, какой-нибудь Арнольд или Феоктист.

– Ничего не знает, зато многое умеет, – усмехнулся Химин.

Филипп недоверчиво прищурился.

– Умеет? Что, например?

– То самое. Спит он с Ларой. Ну, или она с ним, что вернее. За это она его и держит, – объяснил Химин.

Краем глаза он заметил, как изменилось выражение лица Филиппа. Ну что ж, его изумление можно понять: такая баба, как Лара Крофт, она же Ольга Виторт, начальник отдела закупки по недовольственной группе товаров, – и этот невнятный, никчемный, хотя и миловидный парень. Хотя, впрочем, какой он парень? Лет тридцать-то точно есть, если не больше. Нормальные мужики к этому возрасту уже полкарьеру построили, добились чего-то, а этот Малой все сидит в простых менеджерах и никуда не двигается, как пришел в «Оксиджен» года полтора-два назад – так и застрял в позиции молчаливого и ни на что не годного балласта, должность занимает, а в профессионализме никаких подвижек. Где амбиции? Где устремления? Где желание учиться и развиваться? В восемнадцать-девятнадцать лет такое отношение к работе еще можно понять, но не в тридцать же... Вот поэтому Химин и называет его Малой. Психология ребенка... Как бы ни звали на самом деле этого человека, в глазах ведущего менеджера отдела по работе с VIP-клиентами он навсегда останется пареньком. Мальчиком. Малым, одним словом.

– Да ладно! Быть не может! Лара – и этот хмырь бесцветный?

Все-таки Филипп ему не поверил. А зря.

– Любовь зла, – глубокомысленно заметил Химин. – И потом, ты сам подумай: какой нормальный мужик захочет связываться с Ларой Крофт? Никому из них жить еще не надоело. Она ж акула, одним зубом перекусит и не поморщится. Нормальным мужикам нужны мягкие теплые бабы, а не куски арматуры. Вот ты сам, например, не подумывал приударить за Ларой? Она ж красотка! Умная. И зарабатывает хорошо. Не хочешь стать ее любовником?

– Кто? Я? – делано испугался Филипп и снова расхохотался. – Вообще-то ты прав, я ее боюсь до ужаса. А ты?

– И я боюсь, – признался Химин. – И все нормальные мужики ее боятся. Поэтому ей остается выбирать только среди ненормальных. Вот она и выбрала из них более или менее симпатичного. Вполне обоснованный выбор, на мой взгляд. Какой-то мужик ведь все равно нужен, раз мужа нет. Так почему не этот?

– Она что, никогда замужем не была?

Химин пожал плечами.

– Понятия не имею. Не удивлюсь, если окажется, что была и не один раз. И, кстати, вот тебе еще один урок: да, я не знаю, как зовут этого Малого, но мне простительно, а вот почему ты этого не знаешь?

– Не понял, – протянул Орехов-младший с вопросительной интонацией. – Почему это тебе простительно, а мне нет? И вообще, зачем мне это знать? На фиг он мне сдался, этот Малой?

– Объясняю: ты хочешь подняться в бизнесе, и не в каком-нибудь, а конкретно в фирме твоего отца, ты мечтаешь занять место гендиректора «Файтера». Для того чтобы преуспеть и удержаться на этом месте, тебе нужны связи и знакомства. Согласен?

– Ну... В принципе – да, согласен. И что? Малой – такой ценный кадр? – скептически осведомился Филипп.

– А вот этого мы с тобой не знаем, – рассудительно заметил Химин. – Но каким-то образом он же оказался у Лары в отделе, кто-то же устроил его в «Окси». А зарплаты там такие, что очередь желающих огромная, и среди них наверняка полно толковых, грамотных и целеустремленных людей. А взяли Малого. То есть за ним кто-то стоит. И вот этот кто-то и есть тот ценный кадр, который может оказаться тебе полезным. Ты должен был уже давно подумать об этом и познакомиться с Малым поближе, а ты даже имени его не знаешь.

– Так ты сам сказал, что он спит с Ларой. Она его и взяла. Чего тут думать-то?

– Может быть, – кивнул Химин. – Вполне может быть. Но может оказаться и по-другому: Лара сперва его взяла по чьей-то просьбе или рекомендации, а потом уже сделала своим любовником. В любом случае тебе следовало как минимум этим поинтересоваться. Связями надо обрывать, чтобы потом успешно двигаться вверх. Без этого ничего в бизнесе не получится, имей в виду. Без связей и знакомств ты даже начальником нашего отдела работать не сможешь. Думаешь, зря тебя отец на самые низкие должности ставит? Он дает тебе возможность построить ту базу, на которой ты потом будешь функционировать долгие годы. Без работы «по низу» этой базы не будет никогда. А ты дурака валяешь.

– Да ладно, – махнул рукой Филипп, – чего ты, в самом деле... Не, ну насчет связей я согласен, но с Малым знакомиться поближе – это нет, это увольте. Мямля бесхребетная, моль бесцветная, альфонс смазливый. О чем я с ним говорить-то буду? Я – мальчик-мажор, метросексуал и общаться могу только с себе подобными. Понял?

– Не был бы ты сыном босса – я б тебе сказал, кто ты такой, – проворчал себе под нос Химин, выворачивая к шлагбауму, перекрывающему въезд на парковку.

Филипп все слышал, но ничуть не обиделся. Он беззаботно насвистывал мелодию модной песенки, которую без конца крутили по радио весь последний месяц. Нет, что ни говори, а при всех недостатках характер у Филиппка легкий. Хороший характер.

* * *

После окончания суточного дежурства ни следователь Баглаев, ни оперативники, выезжавшие на труп Болтенкова, по домам не разошлись. Азарт и близость успешного быстрого раскрытия убийства придавали сил, спать совсем не хотелось. Никто не ожидал, что подозреваемый в совершении тяжкого преступления Валерий Ламзин окажется дома и можно будет произвести задержание. Но случилось именно так. Правда, обыск в квартире никаких результатов не дал, но это дело объяснимое и поправимое.

И теперь Баглаев допрашивал жену задержанного, Наталью Сергеевну. Ульяновцев сидел здесь же и внимательно слушал, выстраивая собственную тактику додавливания Ламзиной, а в соседнем кабинете другой оперативник беседовал с двадцатилетней дочерью задержанного, Алисой Ламзиной. Как успел выяснить все тот же Ульяновцев, Наталья Сергеевна в прошлом была чемпионкой страны по гребле на байдарках, а Алиса – действующая спортсменка, занимается легкой атлетикой. Спортивный характер на помойку не выкинешь, он, как считал Ульяновцев, является мощным оружием, поэтому обе женщины рассматривались как потенциальные противники, с которыми придется помучиться.

Тимур Ахмедович закончил задавать нужные ему вопросы и, как они и договаривались с Ульяновцевым, отправился сначала к стоматологу, а потом в адрес по месту обнаружения трупа Болтенкова, чтобы лично проконтролировать работу патрульно-постовой службы по поиску

орудия убийства, сиречь пистолета, а заодно и разобраться с камерами видеонаблюдения, оставив оперативника продолжать допрос.

Федор заранее наметил, с чего начнет и о чем спросит в первую очередь. Разумеется, об оружии. Любил ли Ламзин оружие, интересовался ли им, ездил ли на охоту, посещал ли тир? На все вопросы Наталья Ламзина твердо отвечала «нет».

– А вообще оружие у кого-нибудь в вашей семье было?

– Нет, никогда не было.

Н-да, здесь не зацепиться ни за что... Умная баба, никаких надежд, что проболтается по неосторожности. Ладно, попробуем с другого конца подобраться.

– Что вы делали в тот момент, когда из квартиры вышел Болтенков?

– Была на кухне, гладила.

– То есть вы не видели, как он уходил?

– Нет, я только слышала, как хлопнула дверь.

– И что вы сделали после этого?

– Ничего, я продолжала гладить. Крикнула Валере.

– Что крикнули?

– Ничего, просто позвала его, хотела спросить, чем закончился разговор.

– А вы сами разве не слышали, чем он закончился?

Вот-вот-вот... Начинаются нелогичности, значит, дамочка того и гляди запутается! Надо давить, пока она не опомнилась. Наталья Сергеевна, невысокая, очень спортивная и сильная, с до сих пор накачанными плечами, даже не вздрогнула. Значит, не поняла, что прокололась. Это хорошо.

– На кухне работал телевизор, – спокойно ответила она. – Я слышала, что Валера и Михаил разговаривают на повышенных тонах, кричат друг на друга, но слова разобрать было трудно. Да я и не стремилась к этому.

– Ну уж так уж и не стремились? – ехидно прищурился Ульянов. – Неужели вам было не интересно, в чем суть конфликта? К вашему мужу пришел человек, коллега, муж впадает в ярость, гневается, кричит, а вам не интересно? Никогда не поверю!

– Послушайте, все не так...

– Да? А как?

– Я прекрасно знала, в чем суть конфликта. И о том, что Валера в ярости, что он обижен и оскорблен, тоже знала. Что нового я могла услышать? Когда Миша пришел, я открыла ему дверь, потом вышел Валера, и Миша прямо при мне сказал: «Валерка, я не хотел, чтобы так вышло, давай поговорим, чего ты, в самом деле...»

– Так, и что было дальше?

– Муж открыл дверь в комнату и пригласил его пройти.

– А что он сказал при этом?

– Господи, я уже сто раз вам повторяла, и сегодня ночью, когда вы ворвались к нам в квартиру, и сейчас на допросе следователь этим спрашивал! – В голосе Ламзиной впервые за все время длительного допроса проскользнуло раздражение.

Но только проскользнуло. И тут же исчезло. Самообладания ей было не занимать.

– Валера сказал: «Ну, пойдем поговорим, раз ты хочешь. Хотя я не понимаю, о чем нам разговаривать».

– Почему он пригласил Болтенкова в комнату?

– Ну а где им разговаривать? Не в прихожей же. Дочь дома, наверное, Валера не хотел, чтобы она слышала.

– А она слышала?

– Ну, наверное. Конечно, слышала. Они так кричали друг на друга... У меня работал телевизор, я уже говорила, и то мне было слышно, как они ругаются, а дочь из своей комнаты

могла слышать каждое слово. В нашем доме стены не особо толстые. Подозреваю, что в соседних квартирах тоже все уже в курсе.

– Хорошо, вернемся к тому моменту, когда Болтенков якобы ушел из вашей квартиры.

– Почему якобы? Он ушел.

Ой, молодец тетка, недаром была чемпионкой страны! Ни на секунду бдительности не теряет, ни на йоту не расслабляется, внимание сконцентрировано, каждое слово оценивает и ничего не пропускает. С таким противником тягаться будет трудно, но зато интересно! У Ульянцева даже настроение поднялось.

– Я имею в виду: якобы один. Когда вы позвали мужа, он к вам пришел на кухню?

– Нет.

– А ответил что-нибудь?

– Я слышала, как он одевается в прихожей. Тогда я громко спросила: «Ты куда-то собрался?» Он мне ответил: «Пойду в круглосуточный магазин, куплю водки».

– Но к вам на кухню так и не заглянул?

– Нет.

А вот и еще один прокол. Ничего, голубушка, куда ты не денешься, я из тебя выжму правду-матку.

– А вы не подсказали ему, что водку в это время суток не продают? Вас саму это не смутило? Почему вы не заподозрили неладное? Почему не поняли, что муж вас обманывает и за водкой идти вовсе не собирается, а имеет преступный умысел на убийство Болтенкова?

– Да вы с ума сошли! Не было у него никакого умысла! А про то, что водку не продают, я и сама не подумала. Мы ее давно уже не покупали, поэтому и в голову не пришло.

Ну да, конечно, в голову не пришло... Сказки старого Арбата... Ладно, можно зачесть как прокол номер три. Теряет хватку бывшая чемпионка, зачистила с ошибками. Значит, победа близка.

– То есть вы не видели его в тот момент, когда он покидал квартиру следом за Болтенковым?

– Нет, не видела. А какое это имеет значение?

Еще какое значение имеет! У Ламзина мог быть с собой пистолет. И у его жены нет ни малейших оснований утверждать, что его не было.

– А что, это обычное дело, когда ваш муж почти в полночь ни с того ни с сего бежит за водкой? Он что, алкоголик?

– Как вам не стыдно! Он был расстроен, его уволили с работы, понимаете? С работы, которую он любил, которой дышал, всю свою жизнь ей посвятил, душу вкладывал. И теперь ни на какую подобную работу нигде больше его не возьмут. Это что, не стресс? Не повод расстроиться? А тут еще Миша пришел, и снова они разворошили всю историю. Может быть, Миша чем-то его обидел. Во всяком случае, желание выпить в такой ситуации меня не удивило. У нас дома водки не было. Мы вообще спиртное не держим.

– Когда ваш муж вернулся, он что-нибудь рассказывал вам о том, как прошел его разговор с Болтенковым? Вот вы говорите: может, Миша его чем-то обидел... То есть вы не знаете, обидел или нет? Муж вам не сказал, когда вернулся?

– Нет, не сказал.

– И вы сами не спросили?

– Спросила, конечно. Но он ответил, что лучше поговорить об этом завтра, на свежую голову. Если бы он захотел именно в тот момент рассказать, он бы рассказал. Но когда Валера вернулся, мне показалось, что он немного успокоился, взял себя в руки, поэтому я сочла за благо не задавать лишних вопросов и ни на чем не настаивать, чтобы он снова не разнервничался.

– А водку он купил?

– Нет. Сказал, что передумал. Пробежался под дождем, весь вымок, замерз и остыл. Эмоционально остыл.

– То есть вы говорите, что вернулся он успокоенным и удовлетворенным?

Ульянцев упорно гнул свое, пытаясь получить у Натальи Ламзиной показания против мужа. Опытный следок Баглаев, конечно, предупредил ее о том, что она имеет право отказаться от дачи показаний, но сделал это в правильный момент, а именно тогда, когда ее мужа только-только увели в наручниках. Наталья Сергеевна была так ошеломлена, что ничего не слышала и, само собой, не прочитала официальное предупреждение, которое подписала, не глядя. Сейчас Федору очень хотелось, чтобы она признала, что муж вернулся не только успокоенным, но и удовлетворенным. Тогда можно было бы давить на то, что он осуществил умысел на убийство из мести.

Но Ламзина, казалось, плохо понимала, чего хочет оперативник. Во всяком случае, идти ему навстречу отчего-то не собиралась. И снова продемонстрировала свою внимательность к словам, чем вызвала у Федора приступ острой досады.

– Он вернулся более спокойным, – повторила она. – О каком удовлетворении может идти речь? Чем Валера мог быть удовлетворен? Тем, что поссорился с Мишей? Тем, что его уволили? Тем, что вымок и замерз?

Ах ты ж зараза! Ну ничего, мы сейчас развернем беседу в другое русло, ты и опомниться не успеешь, как совершишь роковую ошибку. Главное – наносить удар без предупреждения.

– Где ваш муж хранил пистолет?

– У него никогда не было пистолета. Вообще оружия в доме не было. Вы уже спрашивали об этом много раз.

И снова полное спокойствие. Не вялое и равнодушное, а сосредоточенное и уверенное. С каждой минутой Наталья Ламзина вызывала у Федора все больше подозрений.

– Почему вы так в этом уверены?

– Потому что уверена.

– Вы регулярно проверяли сумку мужа?

Впервые с начала допроса на лице Ламзиной проступило удивление. По-видимому, такая постановка проблемы ей даже в голову не приходила.

– Вообще никогда к ней не притрагивалась. В нашей семье это не принято. Ни я к его сумке, ни он к моей.

– А я вот видел у вас в спальне кровать и по бокам две тумбочки. Вы знаете, что лежит в тумбочке вашего мужа?

– Нет. Знаю, что очки для чтения, он ими пользуется, когда читает в постели. И лекарства кое-какие. Просто я видела, как он их оттуда доставал.

– А что еще?

– Не знаю. Я туда не заглядывала, у нас в семье это не принято. Мы уважаем личное пространство друг друга.

– Как интересно! И как удобно! Я не я, и лошадь не моя.

Ульянцев не скрывал издевки, и Наталья Ламзина наконец утратила свое непробиваемое, казалось бы, спокойствие.

– Почему вы позволяете себе так со мной разговаривать? Вы меня в чем-то обвиняете? Подозреваете?

– Конечно, – улыбнулся Федор, – я вас совершенно откровенно и не скрывая подозреваю в соучастии в форме пособничества, заранее не обещанного укрывательства, а может, и заранее обещанного. Вы помогаете вашему мужу скрывать оружие преступления. Вы знаете, что оно было у вас в доме, и даже, вероятно, знаете, где оно лежало, но самое главное – вы знаете, куда оно потом делось, то есть где ваш муж его спрятал. Или, что даже более вероятно, спрятали вы и ваша дочь после того, как вашего мужа задержали и увезли. Вам страшно повезло,

что следователь не смог провести обыск в квартире немедленно, у вас оказалась целая ночь в распоряжении, поэтому ничего удивительного, что утром при обыске уже ничего не нашли. Вы и от оружия избавились, и от одежды, в которой ваш муж был в момент убийства, а нам выдали совсем другую одежду. Ведь так все было? Я прав?

– Вы сошли с ума?

– Нет, это я так шучу, извините.

– Послушайте, поговорите с работниками полиции, которые обслуживают территорию нашего дома. Они прекрасно знают Валеру, знают много лет и с самой лучшей стороны. Он помогал организовывать спортивные секции для подростков, находил ребят, которые эти секции вели бесплатно. Вы можете себе представить, чтобы в наше время кто-то что-то делал бесплатно? А Валера таких находил. Он помогал решать вопросы с трудными подростками. Его знают все оперативники и все инспекторы по делам несовершеннолетних.

А вот это уже интересно! Оперативники, значит... Федор Ульянов прекрасно знал, какими способами многие опера обеспечивают себе дополнительные доходы. Одним из этих способов было «решение вопросов» с теми, кто наезжал на предпринимателей. Иногда можно было просто поговорить, но иногда приходилось применять некоторое физическое воздействие в отношении наезжающих, в результате чего в руках оперативников частенько оказывалось оружие. Которое, разумеется, никому не сдавалось и не возвращалось. И такого оружия у одного какого-нибудь опера могло быть две-три единицы. Распорядиться им можно было как угодно, в том числе продать. А коль у Ламзина было много знакомых полицейских, то у кого, как не у них, мог он приобрести ствол! Вот в этом направлении и нужно будет поискать.

– Хорошо, – он изобразил притворное согласие. – Назовите мне имена и должности сотрудников полиции, которые знают вашего мужа наиболее хорошо, с кем он чаще всего общался, кому доверял.

Ламзина ничего не заподозрила и с готовностью принялась называть фамилии. Федор записывал, с удовлетворением думая о том, что эту спортсменку-чемпионку он все-таки перехитрил. Она сама дает ему в руки оружие против мужа.

* * *

– Слушай, сядь уже, не маячь, задолбал своей ходьбой, – сварливо проговорил один из сокамерников.

Валерий Петрович Ламзин никак не отреагировал на вежливую просьбу и продолжал ходить взад-вперед по тесному помещению. Вся его жизнь – на ногах, думать в сидячем положении он не привык. Как же так вышло? Ведь совсем еще недавно все было в полном порядке. И вот вчера... Ворвались ночью... нет, не так, сначала пришел Мишка Болтенков... Нет, и это не то... Что же было сначала? Где, в какой точке начался тот путь, в конце которого оказалась камера изолятора временного содержания и обвинение в убийстве?

Когда-то они катались в одной группе и дружили, москвич Валера Ламзин и приехавший из Череповца Мишка Болтенков, которого тренер отобрал как перспективного спортсмена. Оба тренировались как юниоры-одиночники, но потом высокого, атлетически сложенного Валеру перевели в другую группу и поставили в пару, а вскоре предложили перейти к другому тренеру. Мальчики разошлись по разным группам, но все равно общались, когда была такая возможность, и, разумеется, встречались на сборах и соревнованиях.

На летних сборах 1978 года они тоже были вместе, и там Мишка Болтенков влюбился в девочку-парницу, которая тренировалась в одной группе с Валерой. Девочку звали Зоей, она была очень красивой и очень талантливой. Валера даже как-то спросил у Мишки, не хочет ли он перейти к ним в группу и встать в пару с Зоей, ведь они так красиво смотрятся вместе, но Мишка только головой покачал: ему светила карьера крепкого одиночника, а в паре с Зоей

он особых высот не достигнет, у него не хватит сил поднимать ее в поддержку, все-таки ее нынешний партнер – настоящий атлет, поднимает ее и крутит без всякого усилия, как былинку, он, Мишка, так не сможет. Да и не бросит она своего партнера, она девчонка честная и добрая. Роман продолжался и в Москве после сборов, и развивался. Все об этом знали.

Кто был сильнее, Валера Ламзин со своей партнершей Викторией Лыковой или Зоя со своим партнером? Обе пары катались примерно на одном уровне и были прямыми конкурентами, но на дружбе Валеры и Миши это никак не сказывалось. До тех пор, пока все участники этой истории не оказались на отборочных соревнованиях на первенстве страны среди юниоров, по результатам которого происходил отбор в юниорскую сборную СССР.

Все знали, что Вика Лыкова, партнерша Валеры Ламзина, – девочка нервная и трепетная, ее легко выбить из колеи и довести до слез. Перед самыми соревнованиями обнаружилось, что из ее спортивной сумки пропала косметичка, в которой лежит все, чем она делает макияж для выступления, заколки для волос и пара старинных сережек – подарок от прабабушки. Вика сережки не носила никогда, они выглядели немодными и совсем неподходящими для пятнадцатилетней девочки, но прабабушка сказала, что они принесут удачу, и Вика относилась к украшению как к талисману, без которого не видать ей удачи на соревнованиях. Отчаяние и ужас спортсменки невозможно описать: мало того что исчез талисман, так еще и косметики нет! В те времена невозможно было просто пойти и купить хорошие тени, тушь, помаду, тональный крем, да и заколки тоже, все нужно было доставать или приобретать у спекулянтов по тройной цене, всем этим дорожили, как главным сокровищем, использовали до последней крупинки. Вика кинулась собирать косметику у подруг по команде, нервничала, торопилась, рассредоточилась и в результате сорвала прокат. Пара Виктория Лыкова – Валерий Ламзин, перед произвольной программой уверенно претендовавшая на медаль, заняла одно из последних мест, зато подружка Миши Болтенкова Зоя со своим партнером стала призером соревнований и попала в сборную. Да, пусть всего лишь третьим номером, но это сборная! И пусть потом «продадут», это уже не важно. Сегодня ты третий и являешься разменной монетой, а завтра ты второй, а потом и первый, и вся сборная будет работать только на тебя.

Впрочем, юниорам все эти тонкости и хитросплетения были неизвестны, и включение в состав сборной означало для них получение зарплаты и бесплатного инвентаря, но самое главное – поездки на международные соревнования. За возможность выехать за рубеж жители СССР времен застоя готовы были отдать даже самое дорогое. Это уже спустя годы Ламзин, сам став тренером, до малейших деталей вник в механизм «подкладывания» одних спортсменов под других. Третий номер в делегации нужен, как правило, именно для того, чтобы обеспечить восхождение на пьедестал первому или второму номерам. Начинается сложная многоходовая торговля с судьями, представляющими те страны, спортсмены которых в данной дисциплине на высокие места не претендуют. «Ты моих ставишь на третье место, а я твоих ставлю на пятое...» Например, у судьи из другой страны идет в конкретной дисциплине борьба за место с седьмого по пятое, а у русского судьи в этой же дисциплине борьба за второе-третье место. Нашему спортсмену важно стать если не первым, то хотя бы вторым, и за это другому судье обещают пятое место для участника из его страны. А еще какому-нибудь судье говорят: «Ты нашего фигуриста ставишь на второе место, а я на следующих соревнованиях тебе помогу, потому что я знаю, что ваша страна пошлет такого-то спортсмена, и я поставлю его на такое-то место». А третьему судье можно предложить: «Ты мне помогаешь в парном катании и ставишь мою пару на второе место, а мой друг-судья, который будет судить мужчин, поднимет твоего одиночника туда-то. У вас в парах все равно претенденты на 10–12 места, вам без разницы, а одиночник у вас претендует на место повыше, и для вас это важно. А для нас принципиально, у нас одиночники на этих соревнованиях не борются за призовые места». Или: «Наш спортсмен по-любому первый, а кто будет третьим – нам все равно, можем вашего сделать».

Начинается сложнейшая шахматная партия. Один судья ничего решить не может, здесь нужна комбинация, чтобы складывался пазл. Это очень трудная многоходовая работа. Основная задача судьи – уметь хорошо считать. Совсем недавно Ламзин прочел в книге, написанной известной спортивной журналисткой, очень точную фразу: «В фигурном катании по тем временам триумф порой отделял от трагедии один-единственный (зачастую проплаченный) судейский голос. Или – негласный приказ». По тем временам... Да, сегодня о торговле местами в фигурном катании не говорит только ленивый, а тогда, в конце семидесятых, это можно было обсуждать только шепотом, и уж конечно тщательнейшим образом скрывать от самих спортсменов, которые ничего этого знать не должны были.

Итак, возлюбленная Мишки Болтенкова попала со своим партнером в юниорскую сборную Союза, а Вика Лыкова целыми днями рыдала, виня себя за срыв проката и за то, что так подвела Валеру. А потом Валера Ламзин узнал, что косметичку из Викиной сумки вытащил Мишка. Для своей подруги старался, хотел помочь ей занять место повыше. Драка между недавними друзьями была, конечно, обоюдной, но пострадал в ней только Болтенков, которому Ламзин сломал нос и челюсть. Разумеется, были вызваны и милиция, и «Скорая», и уголовное дело возбудили по признакам причинения телесных повреждений средней тяжести. Однако Валера молчать не стал и рассказал следователю все в подробностях. Так что и против Мишки Болтенкова дело возбудили, только не за насильственное преступление, а за корыстное – кражу. По советским законам кража личной собственности считалась уголовно-наказуемой только в том случае, если размер похищенного составлял не менее 50 рублей. Викина косметика, конечно, столько не стоила, но вот старинные сережки, подаренные прабабушкой, которая получила их тоже от кого-то из предков, имели цену немалую. Вмешалась Федерация фигурного катания, и оба уголовных дела прекратили в связи с передачей виновных на поруки, тем более все похищенное у Вики Лыковой было ей возвращено, а насильственные действия Валеры Ламзина казались если и не оправданными, то во всяком случае совершенными в состоянии сильного душевного волнения и потому заслуживающими известного снисхождения.

Дружбе Валеры Ламзина и Миши Болтенкова пришел конец.

Оба они через несколько лет закончили карьеру фигуристов, поступили в институт и стали тренерами. У Болтенкова тренерская работа пошла более успешно, в его группе катались мастера спорта, среди его учеников были чемпионы России. А Ламзин тренировал ребят помладше, работать со старшими юниорами и со взрослыми спортсменами ему не давали. Такова была система, и поделаться с этим никто ничего не мог. Но Валерий Петрович свою работу не просто любил – он дышать без нее не мог, и на судьбу не роптал. Каждому свое, в конце концов.

И вдруг ему объявляют, что он уволен. Ни с того ни с сего. На ровном месте. Оказывается, есть какой-то новый закон, и согласно этому закону человек, привлекавшийся хоть когда-нибудь к уголовной ответственности за насильственное преступление, не имеет права работать с детьми и подростками. Самым невероятным оказалось то, что привлечение к уголовной ответственности за корыстное преступление подобных последствий не влекло. Иными словами, Валерий Петрович Ламзин, избивший вора, работать с детьми права не имеет, а сам этот вор, Михаил Валентинович Болтенков, отлично может продолжать заниматься тренерской работой.

И он, Валерий Ламзин, сорвался, нервы не выдержали. Довел до конца тренировку и отправился в Школу олимпийского резерва, где со своей группой занимался Болтенков, вихрем промчался по дугообразному коридору, огибающему лед, добежал до ведущей в цокольный этаж лестницы, пролетел по ступенькам вниз и ворвался в тренерскую, где Михаил Валентинович Болтенков заполнял журнал. Сейчас Ламзин уже не мог вспомнить точно, что именно он кричал в лицо изумленному и ничего не понимающему Мишке, своему бывшему другу и

товарищу по команде, помнит только, что повторял: «Надо было убить тебя еще тогда, хоть не так обидно было бы. Не попадайся мне на глаза, убью!» В тренерской сидели еще мужчина и женщина, мужчину Ламзин не знал, а женщина работала в группе Болтенкова хореографом. Он не закрыл за собой дверь, и его голос разносился по всему коридору, по которому шли люди, кто-то останавливался и заглядывал, слушал. Но ему было все равно. Выкричавшись, Валерий Петрович вышел, изо всех сил хлопнув дверью.

А вечером Миша Болтенков пришел к нему домой поговорить, пытался что-то бормотать о том, что он не виноват, что закон такой несправедливый, они орали друг на друга, чуть снова не сцепились. Мишка ушел, и Ламзин рванул следом за ним... Потом, спустя довольно много времени, пришли эти, полицейские, задавали вопросы, давили, запугивали, обыскивали Валерия Петровича, проверяли карманы его куртки, все спрашивали, где оружие... И вот теперь он здесь. Когда привезли – первым делом протерли ему руки марлевым тампоном, смоченным в ацетоне, сказали, что теперь ему не отвертеться. И сколько еще ему здесь сидеть? Он в законах не силен, слышал только, что вроде для ареста нужно получить какое-то разрешение не то у прокурора, не то у судьи. И как оно все сложится дальше – он не представляет.

* * *

Анастасия Каменская осторожно положила мобильник на стол и непроизвольно отдернула руку, словно он был ядовитым или обжигающим. Ну как ей не стыдно! Пенсионерка уже, а врет брату, как маленькая. «Все хорошо, не беспокойся, Санек в порядке, мы с ним нашли общий язык, он слушается...» Бред полный! На самом деле ни черта она не справляется, ничего у нее не получается и никаким авторитетом она у племянника не пользуется. Все ее слова и просьбы он пропускает мимо ушей. А Чистякова обожает, смотрит на него открыв рот, но все равно слушается плохо. Единственное, чего удастся добиться, это своевременного приема лекарств. То есть сам Сашка о них, разумеется, не помнит и даже не знает, где они лежат, но когда Настя входит к нему в комнату с горстью таблеток и стаканом воды, молча кивает и безропотно все глотает. Хотя бы это хорошо. Заставить его съесть кашу или суп – мука. Заставить помыться – испытание. Заставить погулять – фантастика. Смотрит на тетку, как на инопланетянку, и ухмыляется.

Она спохватилась, что сидит и предается размышлениям, в то время как надо быстренько прибраться, потому что сейчас явится Стасов. Непонятно зачем. Просто позвонил и сказал, что проезжает тут где-то неподалеку и заедет на чашку чаю. Ведь только вчера вечером виделись на работе, если только что-то срочное возникло... Ну мог бы и по телефону сказать, зачем в гости-то ехать.

«Я стала злая и негостеприимная, – с удивлением подумала она, – раньше я бы обрадовалась, а теперь почему-то злюсь».

Настя принялась наводить порядок на кухне и обнаружила кучу пакетов от чизбургеров, гамбургеров и жареной картошки, рассованных по углам. Господи, и когда он успевает? Ведь только позавчера была женщина, которая раз в неделю приходит делать уборку во всем доме, после нее кухня сверкала. Судя по числу пустых пакетов, такое количество еды можно было употребить не меньше чем за неделю. А всего-то полтора дня прошло. Наверное, это Санькин дружок Петя помог, у него аппетит просто зверский, постоянно что-то жует, оттого и выглядит как мешок с тряпьем. Да это-то ладно, Петруччо пусть ест что хочет и сколько хочет, Насте нет до этого дела, но ведь и племянник вместе с другом ест то, что ему категорически противопоказано. Не может она уследить за парнем. Зря ей доверили...

Как она и подозревала, Владислав Николаевич Стасов заявился к ней, чтобы обсудить не служебные дела, а сугубо личные. Его старшая дочь Лиля закрутила роман с Антоном Сташисом, оперативником, работавшим на Петровке, в Настином бывшем отделе. Антон – вдовец с

двумя маленькими детьми, и это обстоятельство делало, по мнению Владислава Николаевича, романтические отношения между молодыми людьми абсолютно неприемлемыми.

– Я не знаю, что делать с Лилей, – удрученно и в то же время горячо говорил Владислав Николаевич, машинально болтая ложечкой в чашке с чаем.

От ужина он отказался, сказал, что не голоден, а вот чаю попросил налить побольше и погорячее, вбухал в полулитровую кружку десять кусочков сахара, выжал сок из половины лимона, сделал несколько жадных глотков и теперь, поглощенный своей проблемой, позволил роскошному напитку бездарно остывать.

– Она вбила себе в голову, что хочет выйти замуж за Антона. Нет, я ничего не хочу сказать плохого о нем. Антон, конечно, хороший парень, но для Лили это неподходящая партия, ей нужно делать свою карьеру и строить свою жизнь, а не нянчить чужих детей. Но она уперлась – и ни в какую. Даже фамилии сюда приплела.

– Фамилии? – непонимающе переспросила Настя. – Какие фамилии?

– Ну какие-какие... Ее и Антона. Она Стасова, он – Сташис, фамилии настолько похожи, что даже подпись после замужества менять не придется. Лилька считает, что это знак судьбы. Короче, дурь сплошная у нее в голове, и что с ней делать – не представляю. Может, ты с ней поговоришь?

– Я?! – в ужасе переспросила Настя. – И о чем я должна поговорить с твоей дочерью? Ты в своем уме, Владик? Я кто для нее? Совершенно посторонняя женщина. Ну, разве что знаю ее с детства.

Но Владислав Николаевич снова и снова повторял свои аргументы, казавшиеся ему несокрушимыми. Он совершенно не против того, чтобы Лилия встречалась с Антоном, ради бога, но никаких семейных уз! Лиле нужно рожать своего ребенка, а при наличии двух чужих это превратится в проблему для всех. Лилия учится в аспирантуре, пишет диссертацию и собирается делать карьеру, а если она выйдет замуж за Антона и родит ребенка, то наличие троих маленьких детей все это порушит. Даже если она забросит карьеру и сядет дома, нормальных отношений все равно не будет, семью разрушит и детская ревность, и ревность взрослых. Антону будет казаться, что Лилия недостаточно любит его детей от покойной жены, а Лиле, в свою очередь, будет казаться, что детей от первой жены он любит больше, чем их общего ребенка. Короче, ничего хорошего из такого расклада априори получиться не может. Да, Антон хороший парень, честный, умный, но когда речь идет о твоей единственной принцессе – это уже не аргумент.

– Я много раз пробовал с ней поговорить, – продолжал Владислав Николаевич, – но она меня не слушает, она вообще не хочет со мной это обсуждать. Я не знаю, что мне делать, Настюха. Я в полном отчаянии.

– Ну хорошо, у тебя не получается найти общий язык с Лилей, но у нее же есть мать, в конце концов! Почему Рита не может с ней поговорить?

– А! – Стасов безнадежно махнул рукой. – Ритке не до нее, она с новым мужем порхает по Латинской Америке, он там какое-то документальное кино снимает.

Он поднял чашку, залпом допил остывший чай и поморщился.

– Холодный, – проворчал он.

– А ты разговаривай больше, – заметила Настя. – Горячего еще сделать?

– Да ладно, хватит, мне еще домой ехать, а с туалетами на МКАДе, сама знаешь, хреново.

– А Татьяна с Лилей разговаривала? – спросила она. – Все-таки у нее больше прав, чем у меня, Таня ей не посторонняя, как-никак – жена отца.

Владислав Николаевич нахмурился и недовольно поджал губы.

– Таня, видишь ли, считает, что ничего страшного не произойдет, если Лилька выйдет замуж за Антона. Говорит, что девочке было бы полезно пережить такой опыт, а то уж очень она жесткая и сухая. Пусть научится идти на уступки и прощать.

– Кто жесткая?

Настя ушам своим не поверила. О ком это Владик говорит? О Лиле, прелестной толстушке, книжном ребенке, которого Настя Каменская знала с десятилетнего возраста?

– Лилька жесткая, – со вздохом подтвердил Владислав Николаевич. – В общем-то Таня права, конечно, Лильке бы мягкости добавить и доброты... Но все равно, не такой же ценой! Нет, я согласен, Лильке неплохо было бы стать гибче и добрее к людям, но не гробить же ради этого собственную жизнь! Ты ведь понимаешь, почему я именно тебя прошу с ней поговорить? Почему у меня вся надежда не на Ритку и не на Татьяну, а на тебя?

– Ну и почему?

– Да потому, что ты в розыске четверть века отпахала, и кто, как не ты, сможет объяснить Лильке, что такое работа опера и что такое быть женой сыщика! Твои аргументы на нее действуют. А Рита и Таня в этом смысле для нее не авторитет.

– Кстати, о сыщиках. Ты ведь сам всю жизнь в этой профессии, почему ты не можешь объяснить своей дочери, что такое работа оперативника и что такое быть его женой? Стасов, мне кажется, ты пытаешься переложить на меня то, что прекрасно можешь сделать сам.

– Пробовал, – угрюмо ответил он. – Не получается у меня. Лилька меня не слушает. Она считает, что я слишком давно ушел со службы и у меня совковые представления, а сейчас жизнь совсем другая. В общем, я для нее – пережиток прошлого.

Н-да, с этим, конечно, не поспоришь, Владислава Николаевича уволили в отставку еще в 1995 году. Неудобен стал. А Настя прослужила до 2010 года. Может быть, Владик и прав?

– А с самим Антоном поговорить ты не пробовал? – Настя все еще пыталась найти спасительную соломинку, уцепившись за которую удастся выпутаться из неприятной необходимости учить жизни чужого ребенка.

– А то я не говорил! – рассердился Владислав Николаевич. – Он и сам не рвется на Лильке жениться, он же разумный человек, понимает, что ему нужна не просто жена, а мать для его детей, а какая из Лильки мать? Смех один! Да и ответственность за ее карьеру он на себя брать не хочет. В общем, Антоха-то как раз нормальный, ну, влюбился в Лильку, что тут такого? Она девка красивая, умная, кто хочешь в нее влюбится, в принцессу мою. Пусть бы себе встречались и любили, ради бога! Так ведь она замуж хочет за него! И меня не слушает. Уши затыкает, обижается, в общем, уходит от обсуждения. Или начинает плакать и говорить, что я собираюсь угробить ее жизнь. Ну поговори с ней, Настя!

Анастасия Каменская всегда была против того, чтобы лезть в чью-то личную жизнь, тем более с поучениями. Выполнять просьбу своего давнего друга и нынешнего шефа ей ужасно не хотелось, но в то же время и обижать его отказом в помощи тоже как-то... не по-товарищески. Тем более аргументы для разговора с Лилей Стасовой у Насти были.

* * *

До конца рабочего дня Ольга Виторт разобралась со всеми текущими делами и вполне успешно решила все накопившиеся к данному моменту проблемы. Не зря коллеги говорят про нее: «наша Лара прет, как танк». Конечно, она, как и все люди, имеет обыкновение запускать дела, откладывая на потом и забывая или считая, что вопрос подождет. Это нормально. Но если наступал момент, когда Ольга набиралась решимости все разгрести и привести в порядок, то двигалась вперед быстро, напористо, жестко и не останавливалась, пока не видела перед собой идеальную картину.

Сегодня был именно такой день, четвертый по счету и, как оказалось, последний на данном этапе наведения порядка. Все, что копилось с середины марта, то есть два месяца, было за четыре дня доделано, разобрано, урегулировано, обсуждено и решено. В такие моменты настроение у начальника отдела закупок «нон-фуд» всегда поднималось, и даже воспоминания о взглядах визитеров из «Файтера» его не испортили. Ни на зрение, ни на слух Ольга отродясь

не жаловалась, и «Лару» из уст Орехова-младшего она прекрасно слышала, и тычок локтем в бок увидела, и даже сбой в дыхании Химины, когда Филипп ляпнул про суд, усекла. Что уж говорить про те взгляды, которыми обменялись поставщики, когда выяснилось, что менеджер ее отдела не помнит сумму бюджета. Ясно, о чем они подумали в тот момент и что говорили, выйдя из ее офиса. Да что уж там, не только они – весь ее отдел и половина сотрудников «Оксиджена» сплетничают о ее романе с подчиненным. Ну и фиг с ними. Пусть сплетничают. Пусть говорят что хотят, ее это не волнует. Она не просто какой-то там начальник отдела, она – настоящая Лара Крофт, она живет по принципу «вижу цель – не вижу препятствий».

Она не стала задерживаться в офисе, когда закончился рабочий день, ей нужно было успеть на кладбище, ворота которого закрываются в семь вечера. Знакомую фигуру полной женщины в свободном плаще-балахоне Ольга увидела издалека и прибавила шаг, хотя и без того почти бежала.

– Здравствуйте! Вы давно здесь? – выпалила она с ходу.

Женщина обернулась, улыбнулась печально и крепко обняла Ольгу.

– Здравствуй, родная. Хорошо, что ты успела до закрытия, я боялась, что ты застрянешь где-нибудь в пробке. Сама два с половиной часа добиралась, все на свете прокляла.

Невысокая Ольга прижалась лбом к плечу женщины. Как странно устроена жизнь! На этой могиле еще нет памятника, захоронение совсем свежее, всего несколько месяцев, сказали – нужно ждать год, чтобы земля осела. Все было так недавно... Все еще живо в памяти. Во всяком случае, по мнению Ольги, должно быть живо. Ей казалось: то, что говорил тот, кто сейчас здесь лежит, простить невозможно. И забыть невозможно. А Алла, похоже, и простила, и забыла.

Так они и стояли несколько минут, пока женщина не вздохнула глубоко и не отстранила Ольгу.

– Ну, все, моя хорошая, пойдем Женечку навестим, а то с минуты на минуту вход закроют.

Пойдем Женечку навестим... Никак не могла Ольга понять, почему эти два захоронения находились на расстоянии друг от друга, вместо того чтобы оказаться в одной могиле. Ну ведь не по-человечески же! Давно хотела спросить, да все язык не поворачивался. Может, сейчас?

– Алла Владимировна, можно я спрошу? – осторожно проговорила она. – Если вопрос бестактный – просто не отвечайте, ладно?

– Конечно, Олечка, спрашивай, – рассеянно разрешила Алла Владимировна Томашкевич, известная актриса, народная артистка России, ловко, несмотря на значительную полноту, лавируя между оградками. Можно было пройти и по дорожке, но так ближе...

– Почему они похоронены в разных местах? Есть какая-то причина? Или просто так вышло?

Алла Владимировна грустно усмехнулась. Остановилась возле могилы, с фотографии на памятнике смотрело серьезное сосредоточенное лицо.

– Когда не стало Женечки, я была никем. С трудом удалось купить место на этом кладбище, но свободный участок оказался слишком маленький для гроба, и мне его оформили только при условии, что будет кремация и захоронение урны с прахом. Да и за это взяли огромные деньги, я отдала все, что у нас было. Думаю, что все это сделали незаконно, но мне в тот момент было все равно. А Георгий не хотел, чтобы его кремировали, он много раз говорил об этом. И я не решилась нарушить его волю. Теперь я народная артистка, меня полстраны знает в лицо, и когда я попросила, чтобы Георгия похоронили рядом с Женечкой, мне выделили из «бесхоза» участок максимально близко к Жене. Конечно, лучше бы совсем рядом, но не получилось.

Они еще несколько минут постояли молча, не сводя глаз с фотографии на памятнике.

– Но ведь урну можно, наверное, перезахоронить? – негромко спросила Ольга. – Пусть бы они были вместе... Нет?

– Не знаю, – тихо призналась Томашкевич. – Может быть. Но я даже подумать не могу о том, что будут вскрывать могилу Женечки и вынимать урну. Это невозможно вынести.

Никто из сотрудников сети «Оксиджен» не мог бы представить себе, как сердце несокрушимой Ольги Виторт, железной Лары Крофт, разрывается от горячей любви и острой жалости. И еще от невыносимого чувства бессилия, потому что она не знала, что сделать и чем помочь. Ольга Виторт – и не знает, что ей делать? Такое никому и в голову прийти не могло.

* * *

Из плоской квадратной коробки исходил одуряюще соблазнительный запах. Все-таки не зря эту расположенную напротив здания окружного следственного комитета пиццерию так уважали все, кто в нем трудился. Федор Ульянов притащил еду в кабинет Баглаева, потому что есть хотелось невыносимо, а Тимур Ахмедович велел прийти в 21.00 для подведения итогов.

Задержанный по подозрению в убийстве Валерий Петрович Ламзин твердо стоял на своих первоначальных показаниях: он вышел из дома практически сразу после того, как из квартиры ушел Болтенков, собирался купить спиртное в круглосуточном магазинчике неподалеку, но уже на улице спохватился, вспомнив, что теперь спиртное после одиннадцати вечера не продают. Однако вместо того, чтобы вернуться домой, решил, несмотря на проливной дождь, пройтись быстрым шагом и даже пробежаться, дабы снять нервность и успокоиться после скандала с Михаилом Болтенковым. Самого Михаила он на улице не видел, поскольку направился в сторону магазина, а не в ту сторону, куда, по-видимому, двинулся его гость.

Ламзина попросили подробно описать маршрут, по которому он якобы бежал. Полицейские весь день обшаривали дворы, мусорные контейнеры и урны по всему описанному маршруту в поисках выброшенного пистолета. Безрезультатно. Следователь Баглаев попросил криминалистов побыстрее дать заключение по смывам с рук Ламзина, эксперты пошли навстречу, но и здесь ничего не получилось: на руках задержанного не обнаружили никаких следов того, что он стрелял из огнестрельного оружия. Это, конечно, ни о чем не говорило, поскольку кожаные перчатки, как известно, отлично предохраняют кожу рук от частиц пороха и гари. Ламзин мог быть в перчатках. И их нужно было найти. Но и они отчего-то не находились.

С камерами наблюдения вообще полная катастрофа. Дом, в котором живет задержанный, является самым обычным, не ведомственным, не элитным и даже не кооперативным, типичная старая многоподъездная девятиэтажка. На обслуживание таких домов бюджет выделяется маленький, и камеры видеонаблюдения, которые должны, согласно общегородской программе, иметься на каждом подъезде, покупаются самые дешевые, самые плохие. Да и из этих плохих и дешевых добрую половину разворачивают еще до установки, а другая половина быстро выходит из строя. И на ремонт денег, как водится, не бывает. Так что ни одна видеочамера из тех, что установлены на подъездах дома Ламзина и двух соседних домов, не работала уже давно. Была, правда, надежда на хорошие камеры, которые обычно стоят на дверях дорогих магазинов, офисов банков и так далее, но и здесь полицейских ждала неудача. Микрорайон был до такой степени «спальным», что ни одного приличного офиса, оборудованного хорошей камерой, по маршруту, которым предположительно двигался подозреваемый, не нашлось. Вернее, нашлось, даже целых две, более или менее приличные камеры видеонаблюдения, которые были даже не сломаны и все записывали, но ведь камера-то для чего нужна? Для того, чтобы видеть лицо того, кто входит в дверь. А вовсе не для того, чтобы фиксировать лица прохожих на расстоянии более трех метров от двери. Да, какие-то люди проходили, точнее – пробегали мимо камер, вжав голову в плечи, накинув капюшоны, держа над головой зонты, но ни одного лица

разобрать было невозможно. Да и особенности фигуры и одежды не определялись: темно и потоки воды с неба. Короче: показания Ламзина не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть.

Самым слабым местом этого уголовного дела был большой разрыв во времени между задержанием Валерия Ламзина ночью и проведением обыска его квартиры утром. Никто не виноват, что так получилось. Когда вся дежурная группа уже работала в квартире Ламзина, Баглаев позвонил кто-то из его руководства и велел все бросать и немедленно мчаться на другое происшествие: в трех кварталах от места обнаружения трупа Михаила Болтенкова взорвали автомобиль зампрефекта округа. Чиновник, вышедший из дома, где был в гостях, сел в машину и при взрыве получил серьезные травмы. Тимур Ахмедович такому приказу, конечно, не обрадовался, не любил он бросать начатое на полпути, но спорить с начальством не стал, быстро написал постановление о задержании и велел везти Ламзина в отдел, а сам помчался на место взрыва. Обыск квартиры провели только утром, и то обстоятельство, что ни оружия, ни перчаток, ни патронов не нашли, уже никак не могло свидетельствовать в пользу подозреваемого. Его жена и дочь оставались в квартире одни в течение нескольких часов и имели все возможности избавиться от улик. Сегодня же самым тщательным образом обыскали и дачу Ламзиных, и гараж, но ни оружия, ни перчаток не обнаружили. Все это было не просто плохо – это было очень плохо. И поскольку никаких вещественных доказательств пока добыть не удалось, оставалось работать на поиск свидетелей. В этом направлении необходимо было сделать все возможное и невозможное.

Тимур Ахмедович достал расчерченный в виде таблицы лист бумаги, но Ульяновцев кинул на него умоляющий взгляд:

– Тимур Ахмедыч, давайте пожрем, ну сил же никаких нет терпеть, с голоду подохну сейчас, а она так пахнет, зараза!

Баглаев усмехнулся и убрал заготовленную таблицу в ящик стола. Он терпеть не мог никаких крошек вблизи рабочих документов. Федор быстро вскрыл коробку, достал из кармана куртки раскладной нож и ловко разрезал аппетитный круг на восемь частей. Баглаев прислушался к себе, провел языком по десне справа: после удаления зуба, который, как уверял стоматолог, уже не спасти, осталась дырка, и десна, да и вся челюсть, весьма ощутимо побаливала. Пожалуй, пищу есть не стоит, хотя голод и держит за горло костлявой рукой. Лучше потерпеть, потом, дома уже, попросить жену приготовить что-нибудь более безопасное.

– Вкусно! – с набитым ртом констатировал Федор, уминая второй кусок. – Чего вы не едите-то? Вы ж любите пищу.

– Спасибо, Федя, я воздержусь, зуб у меня...

– А-а-а, – сочувственно протянул оперативник. – Ну тогда ладно.

После третьего куска Ульяновцев ощутил себя вполне готовым к продолжению работы. Следователь снова достал таблицу, и Федор, глядя в блокнот, начал излагать результаты поквартирного обхода дома, где проживает задержанный Ламзин, а Тимур Ахмедович проставлял в соответствующих клетках значки, которые обозначали «ничего не видели», «не открыли дверь», «уехали или не проживают», «что-то видели», «не отработано». Нашлось еще несколько человек (квартиры рядом, выше и ниже квартиры Ламзиных), которые слышали голоса и скандал, подтвердилась и информация о том, что дверь хлопнула дважды. Впрочем, сам задержанный этого и не отрицал, он сразу признался, что выскочил следом за Болтенковым, но не убивал (само собой!), а собирался сбежать в магазин за водкой.

– Кому бы он это все рассказывал! – негодовал Ульяновцев. – Сегодня в нашей стране даже младенцы знают, что водку после двадцати трех часов не продают нигде и никому. То есть продают, конечно, но это ж надо места знать! Само собой, Ламзин сообразил, что вранье вышло неудачным, и начал лепить какую-то ахинею, что, дескать, сначала забыл, да потом вспомнил, да решил просто прогуляться-пробежаться. Это под проливным дождем-то... Но я, Тимур Ахмедыч, зацепочку одну нашупал. Сегодня-то все силы и всех людей на поиски оружия

и на поквартирный обход задействовали, так что у меня до нее руки не дошли, а вот завтра я за эту ниточку обязательно потяну. Похоже, я знаю, где и у кого Ламзин мог приобрести пистолет.

Выслушав соображения оперативника о том, что Ламзин имел множество добрых знакомых среди работников полиции по месту жительства, Баглаев скептически усмехнулся:

– Молод ты еще, Феденька, против оперов работать, не справишься.

– Да ладно вам, Тимур Ахмедыч, – возмущенно возразил Ульяновцев, – чего там справляться-то? Я же не буду про оружие напрямую спрашивать, я буду типа характеристику личности задержанного составлять. А уж если у кого рыло в пуху – я непременно почую, даже не сомневайтесь.

Но следователь Баглаев сомневался. И даже очень. Он вообще не особо верил в такую штуку, как интуиция, особенно у молодых людей. Тимур Ахмедович полагал, что интуиция – это не голос свыше и не природное умение считывать сведения из информационного пространства, а результат большого жизненного опыта. Посему если уж и говорить об интуиции, то только применительно к людям, долго прожившим и много испытавшим. Федя же Ульяновцев на человека, обремененного опытом и знаниями, никак не тянул.

– Если твоя версия толковая, то отдай ее тем, кто поопытнее, – посоветовал он. – Кстати, там какие-то звонки из министерства идут, большие начальники вмешались, Петровку хотят подключить, так что жди, завтра тебе помощники подвалят. Старшие братья, так сказать. Они тебя быстро научат преступления раскрывать, ты смотри, не оплошай, учись как следует. – Следователь заметил, как моментально помрачнело лицо Ульяновцева, и понимающе усмехнулся. – И вот еще что: мне сегодня после суток полагалось отсыпаться, а меня на это убийство подвезали, так что сегодня я уж отработал по полной программе, а завтра меня не будет. Я с утра к судье за санкцией на содержание Ламзина под стражей съезжу – и все.

Федор выглядел таким расстроенным, что на него жалко было смотреть.

– А я? Я же тоже после суток не отдыхал.

– Опера ноги кормят, а следователя – голова, – назидательно произнес Тимур Ахмедович. – Голова должна отдыхать, иначе я тебе такого тут нарасследую, что мама не горюй. Короче, вот тебе постановление о проведении обыска на рабочем месте задержанного Ламзина, вот тебе отдельное поручение, и дуй завтра с утречка, куда указано. Найди мне свидетелей, которые... ну, сам знаешь, что нам нужно. И не забудь съездить на место работы потерпевшего, сам же говорил, что его жена рассказывала: Ламзин ворвался к Болтенкову в тренерскую и открыто, при свидетелях угрожал убийством. Вот всех этих свидетелей мне найди и обеспечь. Все понял?

Ульянцев тяжело вздохнул и принялся упаковывать остатки пиццы в коробку. В общем-то он не был огорчен тем, что выходной накрылся медным тазом. В таких делах, как это, где светит быстрый и безоговорочный успех, дорога каждая минута, и на отдых тратить время нельзя. Удачное завершение дела куда важнее. А вот перспективой работать бок о бок с операми из московского главка он был откровенно расстроен. Они ведь все равно ничего делать не будут, только так называемую методическую помощь окажут, а на фига ему эта методическая помощь? Ему, Ульяновцеву, в чьем производстве находится дело оперативного учета, нужны дополнительные руки и ноги, чтобы бегать и собирать информацию, а вовсе не дополнительные головы, которые ничем, на его взгляд, не отличаются от его собственной головы. Вот будут теперь ходить с важными рожами, как надутые индюки, и делать вид, что руководят процессом. И зачем только их подключают? Кому это в голову пришло? Труп тренера по фигурному катанию... Подумаешь! Невелика шишка. Еще ладно бы, если бы дело было совсем тухлым и местные опера не знали бы, с какого конца к нему подступиться. А здесь-то! Все налицо: и подозреваемый, и мотив, еще чуть-чуть – и можно «палку» срубить, записав в свой актив раскрытие тяжкого преступления по горячим следам. На фига ему сдались эти, с Петровки? Опять все лавры себе присвоят. Помощнички, блин! И почему так всегда получается?

* * *

– Тренер по фигурному катанию? Он что, тренирует кого-то, кто будет участвовать в Олимпиаде?

Вопрос, раздраженно заданный Антоном Сташисом, повис в воздухе без ответа. Сергей Кузьмич Зарубин только плечами пожал, а рыжеволосый Роман Дзюба, всего два месяца назад переведенный к ним в отдел из окружной криминальной полиции, немедленно схватился за мини-планшет: поиск информации в интернете – первое, что он всегда делает.

– Болтенков Михаил Валентинович? – через несколько секунд проговорил он. – Нет, ничего такого. В связи с Олимпиадой его имя даже не упоминается нигде.

– Тогда почему нас подключают? – продолжал сердито недоумевать Антон.

Подполковник Сергей Зарубин хмыкнул и выразительно ткнул пальцем в сторону Антона.

– Нет в тебе политического мышления, Тоха, молодой ты еще! И сам убитый Болтенков, и задержанный по подозрению в убийстве некто Ламзин – оба тренеры по фигурному катанию. Да, не высшей лиги. Но! Все равно это вид спорта, в котором на предстоящей Олимпиаде у нас есть хоть какие-то шансы на медали, поэтому нужно бросить в этом направлении все силы. А труп тренера и тренер-убийца – это скандал, который может негативно сказаться на психологической атмосфере и помешать эффективной подготовке наших будущих чемпионов. Короче, обсуждать тут нечего. Есть команда из министерства, наше дело – выполнять. Они там наверху сами решают. Зуб даю – кто-нибудь из Федерации вмешался и начал министерских теребить. Сейчас сюда приедет опер с территории и введет нас в курс дела. Пока могу сказать только то, что сам знаю: труп Болтенкова обнаружен неподалеку от дома, где проживает Ламзин. У Болтенкова с Ламзиным длительные неприязненные отношения были, недавно конфликт разгорелся с новой силой, Болтенков приехал к Ламзину выяснять отношения и после того, как ушел оттуда, был найден застреленным. Ламзин задержан, оружие не найдено, признательных показаний нет. Вот вам и вся картинка.

Роман Дзюба посмотрел на Зарубина ясными глазами круглого отличника.

– И что, уже есть санкция судьи?

– Это я не в курсе, – признался Зарубин, – или есть, или вот-вот будет. А тебе не все равно?

– Но я не понимаю, как можно получить санкцию при таких хилых доказухах! У них же ничего нет на Ламзина! С какого перепугу они вообще его задержали?

Зарубин возвел очи горе и всем своим видом изобразил монолог, суть которого сводилась в кратком изложении к сожалениям по поводу наивности молодого поколения.

Антон Сташис рассмеялся:

– Ну давай, Кузьмич, расскажи теперь Ромчику, как плохо быть молодым. Меня ты уже просветил на эту тему, теперь его очередь.

Но в этот момент зазвонил мобильник Зарубина, и отвечать на вопрос пришлось Антону.

– У следователя может быть хорошая репутация в глазах судьи, – терпеливо объяснял он. – У него, например, всегда все раньше было обоснованно, четко, по делу. И судья ему доверяет, полагается на его профессионализм. Или, как вариант, судья – личный душевный друбан этого следака, они, может, учились когда-то вместе или сейчас водочкой и шашлычками балуются время от времени. И вообще, Рома, решение о заключении под стражу принимается исходя не из доказательств виновности...

– Да знаю я, – перебил его Дзюба, – чего ты меня, как студента, натаскиваешь?

«Это правда, – подумал Антон, – что-то меня занесло. Ромка хоть и моложе меня, и опыта у него меньше, но законодательство он знает лучше. Тут не поспоришь. Судье неинтересно,

виновен задержанный на самом деле или нет, он доказательства виновности не оценивает, а исходит из оценки фактов, свидетельствующих о том, что человек может скрыться или помешать следствию. Действующего загранпаспорта уже достаточно, чтобы судья дал санкцию. А уж если виза открыта куда-нибудь, то и разговоров нет».

– Ну вот и хорошо, – примирительно произнес он. – Значит, дождешься человека с земли и подключишься.

Зарубин закончил разговор по телефону и мгновенно подхватил последнюю услышанную фразу.

– Что значит «подключишься»? – взревел он. – Почему в единственном числе? Вы оба будете этим делом заниматься.

– Ну Кузьмич, – взмолился Антон, – поймей же снисхождение! У меня убийство Ефимовой из аппарата Госдумы, ты же знаешь.

– Ой-ой-ой, кто бы говорил! – насмешливо протянул Сергей Кузьмич. – Тебя послушать, так у нас у всех по одному делу в работе, и только у тебя, несчастного, целых пять. Про твою нагрузку я все знаю. И про Ефимову свою ты мне тут не пой, не на таких напал. Что мы, не знаем, как люди работают? В первые сутки все на ушах стоят, до трех суток – колотятся еще как-то, а через неделю все превращается в рутину. Ефимову твою уж два месяца как убили, и по делу целая группа работает: и ФСБ, и УЭБиПК, нам только маленький кусочек на отработку всунули, так что главный спрос не с тебя, и на этом деле Ефимовой ты не убился насмерть. Работай, как обычно, а по тренеру надо поднажать, пока все свежее. И не смотри на меня волком.

Дзюба сосредоточенно составлял какой-то документ на своем компьютере, и Антон, подойдя к Зарубину почти вплотную, проговорил как можно тише:

– Серега, ну будь ты человеком, а? Пусть Дзюба пока один поработает вместе с ребятами с земли. Дай мне продохнуть хоть немного. Ты же сам сказал, что знаешь, какая у меня нагрузка. Работы выше головы.

Зарубин взглянул на него сочувственно, но при этом все равно строго. Несмотря на маленький рост, из-за которого ему приходилось смотреть на стоящего Антона, сильно задрав голову, подполковник ухитрился выглядеть властным и излучать силу.

– Я сказал: нет, – шепотом, но очень четко произнес он. – Кто здесь начальник, я или все подряд? Короче, Тоха, шеф сказал, чтобы по тренеру работали двое. Я назначил тебя и Ромку. Хочешь – договаривайся с ним сам, чтобы прикрыл тебя, но у меня должна быть возможность отчитываться перед руководством с честными глазами. А то вы тут химичите чего-то постоянно, а у меня глаза из-за этого делаются вороватыми.

Антон молча отошел от стола Зарубина, достал из сейфа какие-то бумаги и вышел. Ничего, сегодня Ромка и сам справится, а ему нужно быстро проверить одну, на первый взгляд вполне невинную, информацию. Толку, конечно, не будет, это и так понятно, но если потребуют отчитаться по убийству Ефимовой, то, по крайней мере, будет что показать. Да, результата нет, но работа-то проделана! Человек старался, выяснял, проверял. Иными словами – делом занимался, а не баклуши бил.

* * *

Роман Дзюба занимался спортом всю жизнь, но в ледовых дворцах ему бывать не приходилось. Оперативник по имени Федор Ульянов быстро изложил обстоятельства дела и сказал, что надо ехать в Детско-юношескую спортшколу, где тренировал свою группу Валерий Ламзин. Во-первых, нужно проверить его показания, во-вторых, следователь выдал отдельное поручение на проведение обыска рабочего места Ламзина, и в-третьих, необходимо выявить свидетелей того, что Ламзин высказывал намерение расправиться с Болтенковым.

– Ты так уверен, что эти свидетели есть? – недоверчиво спросил Дзюба.

– Нет – так будут, – уверенно откликнулся Ульяновцев. – Но я убежден, что они есть.

Директор ДЮСШ, кругленький и подвижный человек лет шестидесяти, встретил полицейских настороженно.

– Что вы хотите узнать? – сердито спросил он. – Вы уже и так арестовали Валерия Петровича, а теперь хотите, чтобы кто-то из нас вам помог его упрятать в тюрьму? Не дожидаетесь!

– Зачем вы так? – мягко откликнулся Ульяновцев. – Мы хотим всего-навсего узнать, что это за история с его увольнением. Ведь именно из-за этого возник конфликт с Болтенковым. Или есть другая причина?

Директор горестно вздохнул и жестом предложил оперативникам присесть. Роман Дзюба с любопытством рассматривал фотографии, которыми были увешаны все стены маленького кабинета. Соревнования, награждения, тренировки, портреты юных спортсменов и взрослых – скорее всего, тренеров.

– Это совершенно идиотская история, совершенно идиотская, – директор покачал головой и развел руками. – Пришла команда сверху: применить статью закона. Закон-то вышел давно, но никому и в голову не приходило его всерьез применять, понятно же, что глупость. А тут спустили прямое указание из Федерации – и попробуй не выполни. Видно, кому-то лед понадобился позарез, вот и решили хорошего тренера вытеснить.

– А кому, не знаете? – с любопытством спросил Дзюба и тут же наткнулся на предостерегающий взгляд Ульяновцева: мол, не отклоняйся от генеральной линии партии, не лезь в детали, которые не имеют значения для дела, не трать время.

Роман Дзюба всегда отличался упрямством. И никакие взгляды, даже самые выразительные, остановить его не могли.

– Догадываюсь, – директор отвел глаза и уставился на цветок в горшке, стоящий на шкафу.

– И кому же? – настойчиво продолжал Роман.

– Не хочу зря клеветать на людей. Может быть, я ошибаюсь.

Ульянцеву явно надоела самостоятельность Дзюбы, и он перехватил инициативу.

– Как сотрудники спортшколы отнеслись к увольнению Ламзина?

Директор пожал плечами.

– Кто как. Одни сочувствовали и негодовали, другие радовались открыто. Дети очень огорчились. А родители их вообще взбунтовались. Дети Ламзина очень любят, никто не верит, что он мог убить, и собираются тренироваться пока одни, со вторым тренером, и ждать его. Уверены, что его скоро восстановят на работе. Родители спортсменов даже петицию писали в Федерацию.

– А что Федерация? Ответила что-нибудь?

– А ничего. Им же лед для кого-то понадобился. Тренеров много, групп много, а льда всегда мало, его на всех не хватает. Поэтому на какие только ухищрения не идут, чтобы вырвать себе лишние полчаса на льду. Если хотите знать мое мнение, то Валерия Петровича просто подставили. Я уверен, что он не убивал, я его сто лет знаю, да и причин нет. Если бы он считал, что должен убить Болтенкова из-за той истории и из-за увольнения, так давно бы уже убил, две недели прошло, как ему объявили об увольнении по этому корявому закону. И дали две недели доработать, как положено. Зачем было ждать, чтобы Болтенков сам к нему пришел? Да еще убивать прямо возле своего дома? Нет, как хотите, а его подставили.

– Зачем? – быстро спросил Дзюба, стараясь не смотреть в сторону Ульяновцева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.